

Полидович Ю.Б.

## ОБРАЗЫ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СКИФСКОГО МИРА

**Реферат:** Статья посвящена классификации образов фантастических (полиморфных) существ в искусстве народов скифского мира. Выделяется три группы персонажей, различающихся между собой сочетанием в их иконографии признаков, относящихся к животным разных зоологических видов, семейств, отрядов и классов. Данные группы объединяют более 40 отдельных образов фантастических существ, представленных как единичными изображениями, так и большими их сериями, которые были распространены в разных регионах скифского мира – от Северного Причерноморья до Тувы и Монгольских степей. В группу полиморфных существ первого уровня включены персонажи, в образе которых сочетаются признаки представителей разных зоологических видов и семейств. Во внешнем облике синкретические существа второго уровня сочетаются признаки животных разных зоологических отрядов, в частности, хищников и копытных. Еще более сложными являются полиморфные существа третьего уровня, в облике которых сочетаются признаки животных разных зоологических классов, прежде всего – признаки птиц и млекопитающих. Самый распространенный образ среди них – грифон. Наиболее сложными существами, с точки зрения морфологии, являются те, которые в своем облике сочетают признаки млекопитающих, птиц, змей и рыб, т.е. животных, представляющих все три зоны мифологического мироздания. К ним относится и “скифский” дракон, изображения которого характерны для памятников Северного Причерноморья IV в. до н.э. Многообразие фантастических существ было обусловлено, с одной стороны, влиянием на скифское искусство древневосточных и античных традиций, а с другой, базировалось на сложных местных мифологических представлениях об окружающем мире.

**Ключевые слова:** скифский мир, звериный стиль, фантастическое животное, полиморфное существо, грифон, сенмурв, дракон.

**Abstract:** The article proposes classification of fantastic (polymorphic) animals which images are encountered in the art of the Scythian World. There are three groups of animals depending on presence in their iconography those features that are the characteristics of different zoological species, families, orders and classes. These groups combine more than 40 variants of fantastic animals which are represented both single images and large series of them widely-distributed in different regions of Scythian World – from the Northern part of Black Sea region to Tuva and Mongolian Steppe. The first level group of polymorphic creatures are included those of them who combined the features of animals from different zoological species and families. The exterior of the second level group of polymorphic creatures are combined the features of different zoological orders such as predators and ungulates. The third level group of polymorphic creatures mixed the features of animals from different zoological classes and they are more compound. The mostly common among them are the mix of birds and mammals (predators and herbivorous) features. The griffin is the best-known image among them. As for morphology the creatures with the mammals, birds, snakes and fishes characteristics as the representatives of three mythological universe zones are the most complex ones. Among them we can see the Scythian “dragon” which images are distinctive for the fourth century BC sites of the Northern part of Black Sea region. The variety of fantastic animals caused by both the influence of the Ancient East and Greek traditions and the Scythian mythological notions about the world around.

**Keywords:** the Scythian world, animal style, fantastic animal, polymorphic creature, griffin, sên-murv, dragon.

С плеч за спину до самых пят спускался у меня драгоценный плащ, и со всех сторон, откуда ни взгляни, был я украшен разноцветными изображениями животных: тут индийские драконы, там гиперборейские грифы, порожденные другим миром и подобные крылатым птицам.

Анулей, *Метаморфозы*

Скифская изобразительная традиция известна различными изображениями животных. Большинство воспроизводимых животных имело достаточно явные природные прототипы, и их видовая принадлежность безошибочно узнается. Вместе с тем образы скифского "звериного стиля" имели не столько естественную, сколько мифологическую природу [см. об этом: Раевский 1985, с. 77-180; Переводчикова 1994, с. 48-49; Полидович 2002, с. 181-195; Раевский и др. 2013, с. 58-174; Королькова 2015, с. 164, 171-173; др.], что в целом было характерно для древних представлений о живой природе [см., например: Белова 1999, с. 27]. Именно поэтому для скифского искусства "звериного стиля" характерны такие черты, как гиперболизация отдельных частей тела, зооморфное превращение, использование знаков-символов. В этом же ряду находится появление фантастических, полиморфных образов, составленных из несовместимых в природе частей разных животных. Становление иконографии изображения таких существ напрямую связано со зримым воплощением мифологических образов, бытовавших до того времени только в устной традиции. В скифском "зверином стиле" фантастические животные стали неотъемлемой частью всего состава образов [см., например: Королькова 2011б; 2015].

Их изучению посвящена довольно большая литература. Однако пока не предпринимались попытки обобщить и классифицировать **все** известные изображения фантастических животных, выполненных в "зверином стиле" [Алексеев 2011, с. 59, прим. 22]. Первый опыт подобного анализа и предлагается в настоящей статье.

Существа, рожденные фантазией людей, живущие только в мифах и фольклоре, обычно называют фантастическими<sup>1</sup>, а также чудовищами или монстрами (франц. *monstre*). Поскольку речь идет прежде всего об иконографии фантастических существ, вероятно, в этом контексте стоит говорить о синкретических<sup>2</sup> животных или существах [Переводчикова, 1994, с. 48-49], хотя, по мнению Е.Ф. Корольковой, исходя из особенностей психологии творчества и восприятия искусства, "полиморфные образы никак не могут считаться синкретическими (как их обычно называют в литературе); их следует рассматривать как синтетические, что принципиально важно" [Королькова, 2011б, с. 179-180; 2015, с. 162].

Фиксируемый отход от биологической основы, сочетание в иконографии полиморфных существ признаков, относящихся к животным разных зоологических видов, семейств, отрядов и классов, позволяет разделить их на три больших группы в зависимости от сочетания признаков тех или иных животных. Соответственно выделяем полиморфные существа первого, второго и третьего уровня, а также отдельно – *миксаморфные существа*, сочетающие в себе признаки человека и животного, рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи.

### **Полиморфные существа первого уровня**

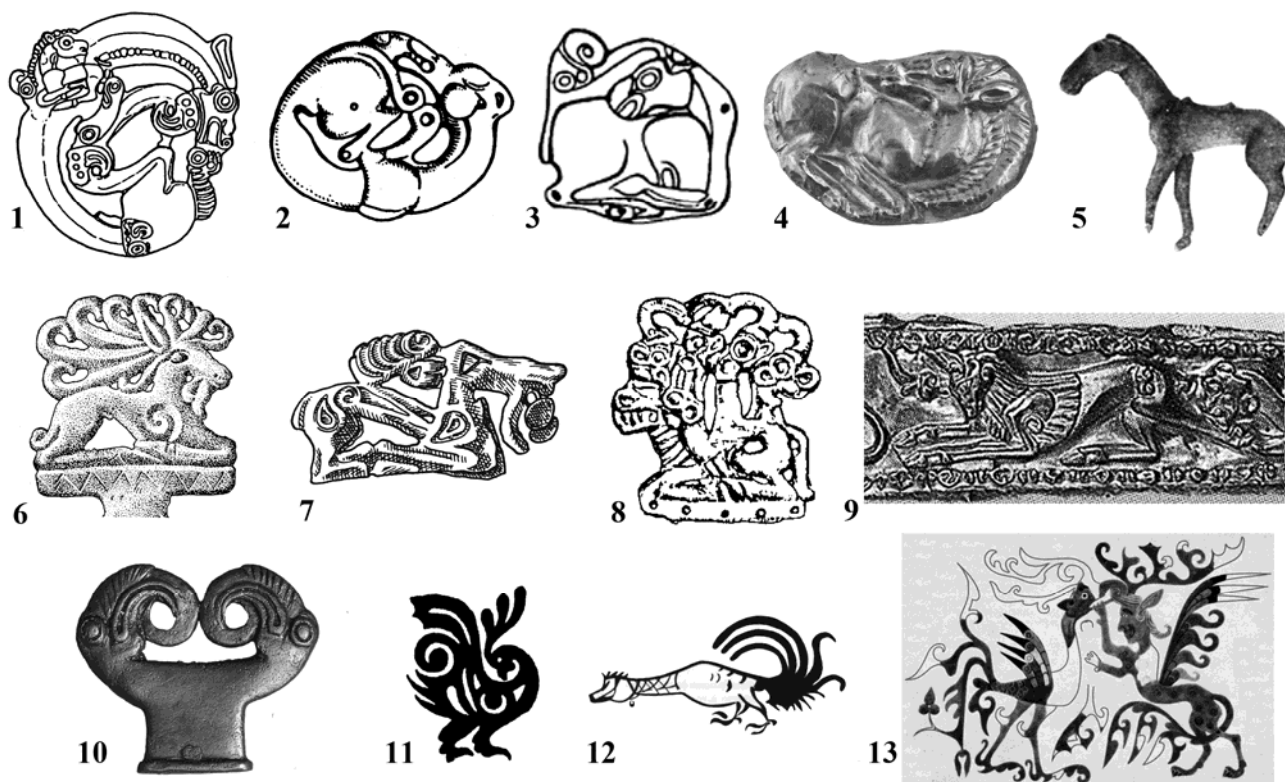
К ним относятся существа, в образе которых сочетаются признаки относительно близкородственных животных, представителей *разных зоологических видов и семейств*.

Среди изображений **хищников**, бытовавших в скифском "зверином стиле", по наличию тех или иных определяющих признаков с достаточной степенью уверенности можно выделить изображения львов, тигров, пантер (барсов), медведей и волков. В тоже время, исследователями отмечается, что некоторое количество изображений хищников, в особенности ранних, вообще лишены какой-то конкретной видовой определенности [Чежина 1984, с. 61], или же им придавались черты фантастического зверя (рис. 1, 1), в изображении которого соединялись признаки животных разных видов, в частности семейств кошачьих и псовых (рис. 1, 2) [Руденко 1953, с. 301; 1960, с. 264; 1962, с. 28; Смирнов 1964,

<sup>1</sup> Об относительности определения фантастический применительно к образам "звериного стиля" см.: [Королькова 2011, с. 179-180].

<sup>2</sup> От лат. *syncretismus* – соединение; состоящий из разнородных элементов, но являющийся целостным [Ожегов, Шведова 1997, с. 718].

с. 223; Савинов 1998а, с. 72; 1998б, с. 155; Королькова 2015, с. 164-167; др.]. Последняя точка зрения была детально обоснована Е.В. Переводчиковой, которая предположила, что скифское искусство в большинстве случаев выражало идею не хищника какого-то определенного вида, а концепцию *хищника вообще*, за которым стоял определенный обобщенный мифологический образ [Переводчикова 1986; 1994, с. 42-46]. Вторым путем появления обобщенного образа хищника могла быть стилизация приемов изображения, когда в результате условной трактовки деталей "утрачивается не только реалистическая выразительность, но и видовая определенность звериного образа" [Шкурко 1976, с. 97-98], когда "перед создателями этих изображений не стояла задача передать видовые черты конкретного хищника, а важнее было воплотить идею убивающего и устрашающего чудовища" [Королькова 2015, с. 165].



**Рис. 1.** Полиморфные существа первого уровня: 1 – курган Кулаковского, Крым (прорисовка автора); 2 – Иркуль, Южное Приуралье [по: Смирнов 1964]; 3 – Уляпские курганы, Прикубанье [по: Канторович 1995]; 4 – кург. 35 у с. Бобрица, лесостепное Поднепровье [по: Грибкова 2011]; 5 – Большой Катандинский кург., Горный Алтай [по: Грязнов 1949]; 6 – Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; 7 – 1-й Филипповский кург., Южное Приуралье [по: Пшеничнюк 2012]; 8 – мог-к Карбан II, Алтай [по: Королькова 2006]; 9 – кург. Куль-Оба, Крым [по: Алексеев 2012]; 10 – кург. 6 у с. Басовка, лесостепное Поднепровье [по: Gold der Steppe 2009]; 11 – 1-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]; 12 – 2-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Баркова, Панкова 2005]; 13 – 5-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Грязнов 1956].

**Fig. 1.** The polymorphic creatures of the first level group

Среди полиморфных изображений копытных наиболее известны изображения животных, сочетавших в себе внешние признаки лося и козла, своеобразные **лосе-козлы** (рис. 1, 3), которые бытовали в степном Причерноморье и Прикубанье в конце VI – IV вв. до н.э. [Канторович 1995].

Достаточно известным полиморфным образом скифской эпохи являются **кони с рогами** козла или оленя. Так, из горноалтайских курганов происходят деревянные фигурки

животных, которые своим экстерьером напоминают лошадей, но при этом на голове имеют отверстия, в которые, по всей видимости, вставляли рога (козлиные или олени) из войлока (рис. 1, 5) [Киселев 1949, табл. XXXI; 1951, с. 342; Кубарев 1987, с. 107; 1991, с. 142; 1992, с. 100, 101]. Деревянные фигурки лошадей с рогами козла, изготовленными из кожи и покрытыми золотой фольгой, венчали головные уборы из кург. 1 мог-ка Ак-Алаха I. Такие фигурки происходят и из других могильников Юго-Восточного Алтая [Полосьмак 1994, с. 94]. Исследователи считают, что эти статуэтки можно сопоставить с лошадьми в оголовных масках, найденными в горноалтайских курганах [Киселев 1951, с. 342]. Такие погребальные кони с надетыми на них масками найдены в курганах Туэқты, Башадара, Пазырыка и Берела [Руденко 1953, рис. 134-137; табл. LXXI-LXXII; Руденко 1960, табл. XXXVIII; LXIX-LXXII; Баркова 1999; Полосьмак 1994, с. 94; Черемисин 2008а, с. 33-39; Самашев 2011, рис. 18; 38-40; Самашев и др. 2010, с. 266-272]. Маска превращала обычного коня в некое фантастическое существо – коня-оленя, коня-козла, коня-грифона. По мнению Н.В. Полосьмак [1994, с. 94], "конь, наделенный способностью козерога, ставший фантастическим существом с неограниченными возможностями, помогал умершим попасть на пастбища" в потустороннем мире.

В первую очередь обращает на себя внимание совмещение образов коня и козла. В ведийском языке существовало определение *ajāśva* (конь-козел), соответствующее мифологическому образу животных, впряженных в колесницу бога Пушана [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 586-587]. По всей видимости, именно в русле подобных представлений и следует воспринимать фантастических животных, в которых, по представлениям древних, превращались кони (как реальные с надетой маской, так и изображенные в виде статуэток) и облик которых одинаково воспринимается и как конский, и как козлий. На серии изображений VI в. до н.э. из Днепровской лесостепи представлены копытные животные (рис. 1, 4), однозначная интерпретация которых как коней или козлов затруднена (ср.: [Ильинская 1965, с. 96-98; Виноградська 2000]). Столь же неоднозначным с точки зрения видового определения является и животное, размещенное на плече свернувшегося хищника из кург. Кулаковского в Крыму (рис. 1, 1) (см., например, его трактовку как коня [Яковенко 1976, с. 131] и как козла [Канторович 2002, с. 105; Раевский и др. 2013, с. 114]). Как коней-козлов определяют и животных, протомы которых размещены на головном уборе из кургана Иссык [Акишев 1978, с. 9; Полосьмак 1994, с. 93] и на седле (?) из кург. 11 мог-ка Берел [Самашев 2011, рис. 37; 405, с. 170-171].

Также в ряде единичных случаев можно говорить о совмещении в одном изображении признаков иных копытных животных – барана и козла [Полидович 2015], оленя и лося [Полидович 2013а, с. 262, 263], барана и лося [Шкурко 1976, с. 91], барана и коня [Рябкова 2014, с. 213-214, рис. 1, 2, 5]. Но неоднозначность определения в данных случаях может быть связана со сложностью восприятия древнего образа современным человеком.

В этом же ряду находятся изображения, размещенные на бронзовых навершиях и представляющие **олений с длинной козлиной бородой** и с головой хищной птицы (или завитком) на плече. Они происходят из Чмыревой Могилы [Браун 1906, с. 114, рис. 70; 72; Piotrovsky et al 1986, Pl. 273], Гаймановой Могилы [Бидзиля, Полин 2012, с. 256-260; рис. 90-91; 377-382], Толстой Могилы (рис. 1, 6) [Мозолевський 1979, с. 118, 120, рис. 102]. Изображением подобного существа найдены и в 1-м Филипповском кургане в Южном Приуралье (рис. 1, 7) [Пшеничнюк 2012, рис. 11; 14, 4; 19; 20; 34; 172]. По внешним признакам эти олени-козлы напоминают *трагеллафосов* (*τραγέλαφος* – др.-греч., козел-олень), о которых Плиний Старший говорит, что они имеют олений вид и "отличаются только бородой и косматыми лопатками" (Plin. Sec., L.120). Обитали они якобы "нигде более, кроме как близ реки Фасис" в Колхиде (там же). Характерно, что в одном из погребений V в. до н.э. мог-ка в Вани в Колхиде была обнаружена золотая диадема, где изображена своеобразная бородатая газель, которую также сопоставляют с животным, описанным Плинием [Лордкипанидзе 1978, с. 51-53].

Во всех рассмотренных случаях представлен образ животного, достаточно органично совмещающего разновидности признаки. Иное дело, когда в изображении сочетаются признаки более далеких в биологическом отношении животных. Так, например, из мог-ка Карбан II на Алтае происходит золотая бляшка с изображением лежащего **верблюда с оленьими рогами**, завитки которых превращены в головки антилоп (рис. 1, 8) [Королькова 2006, с. 89, рис. 54, 2].

На золотой обкладке ножен меча из кургана Куль-Оба [Алексеев 2012, с. 178, 182] и, возможно, на золотой пластине от горита из кург. 1 группы в имении Пастака (Дорт-Оба) [ОАК за 1892 г., 1894, с. 9, рис. 4; Артамонов 1966, табл. 194; Колтухов, Сенаторов 2014, с. 92] в Крыму изображено своеобразное копытное животное, которое можно обозначить как **единорога**<sup>3</sup>. У него большое торчащее ухо, мощный рог, выступающий из лобной части головы, и густая грива, покрывающая шею и всю переднюю часть тела (рис. 1, 9).

Традиция воспроизведения своеобразных копытных единорогов (рог у них "вырастает" из носа), крылатых и безкрылых, существовала в Южной Сибири в пост-скифское время, вероятно во II – III вв. н.э. (горизонт сяньбэй) [Миклашевич 2004].

Можно говорить также о собирательном образе **хищной птицы**, в котором видовые признаки никак не проявляются, а изображение построено на сильно гиперболизированных и/или стилизованных признаках, связанных с воспроизведением, прежде всего, глаза и клюва, а иногда и восковицы (рис. 1, 10).

Известны также фантастические образы птиц. Это, прежде всего, птица **феникс**, изображения которой происходят преимущественно из горноалтайских комплексов скифского времени [Полосьмак 1994, с. 94-96, рис. 116]. Их необычный внешний облик (небольшой клюв, своеобразные хохолок и крылья, стройные ноги с широкой лапой и часто со шпорой, пышный хвост) в первую очередь перекликается с образом петуха, относительно реалистичные изображения которого также известны по находкам в курганах Горного Алтая (рис. 1, 11) [Руденко 1953, рис. 17; 44; 71; табл. XXVI, 1, 3, 4; 1960, рис. 135; Кубарев, Шульга 2007, с. 129-130; Баркова 2015]. Это сходство позволило Л.Л. Барковой достаточно категорично утверждать, что "мотив феникса вообще искусству Алтая чужд", а все данные горноалтайские изображения представляют петуха [Баркова 2015, с. 144].

По мнению же Н.В. Полосьмак, образ феникса мог быть заимствован местными племенами из искусства Древнего Китая. При этом, и в пазырыкском искусстве, и в мифологии и искусстве Китая образы петуха и феникса были неразделимы по своей семантике и художественному воплощению [Полосьмак 1994, с. 94]. Как говорится в китайской "Книге гор и морей" (III – I вв. до н.э.), "на горе Дансюэ – Пещеры киновари – живут птицы. По внешнему виду они напоминают петуха, разноцветные и с узорами. Их зовут фэн-хуан (феникс). Эти птицы, когда хотят – едят и пьют, когда хотят – поют и танцуют. Их появление возвещает тишину и спокойствие в Поднебесной" (цит. по: [Полосьмак 1994, с. 95]). Фениксы в древнекитайской мифо-ритуальной традиции выступают как охранители, с одной стороны, мира мертвых, а с другой – юга. Можно предположить, что с подобными же функциями они были связаны и у пазырыкцев. Вероятно, в данной же мифологической парадигме следует искать и объяснение присутствия изображений птиц, похожих на петухов-фениксов, на татуировках кистей рук погребенных из 2-го и 5-го Пазырыкских курганов (рис. 1, 12) [Баркова, Панкова 2005, с. 49, рис. 1; с. 53, рис. 8, 1-2; с. 55-56, рис. 13, 2]. Среди изображений феникса в первую очередь называют птицу, вышитую на чесучевой ткани из 5-го Пазырыкского кургана [Руденко 1953, табл. CXVIII], и фантастическую птицу на войлочном ковре из того же кургана, где она воспроизведена в сцене схватки с миксаморфным существом (рис. 1, 13) [Руденко 1953, табл. LXXXVIII; ХС; Грязнов 1956; Артамонов 1973, илл. 80]. Хотя, по мнению Л.А. Лелекова, в данной птице

<sup>3</sup> По мнению исследователей, на кульобских ножнах изображен козел [Артамонов 1966, с. 63; Власова 2011, с. 129]. А.Ю. Алексеев обозначил его как "какое-то копытное животное" [2012, с. 178].

следует видеть воплощение иного мифологического персонажа – иранского Симурга (= Сенмурва) [Лелеков 1988, с. 437].

### **Синкретические существа второго уровня**

В их внешнем облике сочетаются признаки животных *разных зоологических отрядов*, в частности, хищников и копытных.

Это, в первую очередь, изображения **существ, сочетающие признаки копытных и хищных животных** [Смирнов 1964, с. 238, 239-240]. Таковыми можно считать существа, воспроизведенные на ажурных щитках поясных крючков из кург. 34/39 у с. Мастюгино на Среднем Дону [Либеров 1965, табл. 32, 12], кург. у ст. Старо-Минской возле г. Ейска (рис. 2, 1) [Смирнов 1964, рис. 81, 5] и погр. 3 кург. Б у с. Прохоровка в Южном Приуралье [Трейстер и др. 2012, с. 74, рис. 46, 7; цв. табл. 15, 8], а также на рукояти кинжала из сел. Урус-Мартан на Кавказе (рис. 2, 2) [Смирнов 1964, рис. 81, 7]. Из находок у хут. Шунтук вблизи г. Майкопа в Прикубанье происходит ажурный псалий в виде синкретической фигуры, сочетающей черты коня и хищника (рис. 2, 3) [Ильинская, Тереножкин 1983, с. 53, рис. 3]. На костяной пластине из кург. 3 у пос. Матвеевский в Южном Приуралье изображено копытное животное с лапами хищника (рис. 2, 4) [Смирнов 1964, с. 239, рис. 48, 2б], тогда как на костяной ложке из кург. в уроч. Биш-Оба (мог-к Сара) также в Приуралье выгравировано существо с оскаленной хищной пастью, торчащим ухом и копытами травоядного животного [Смирнов 1964, с. 227-228, рис. 10, 1з; Федоров 2014]. Из Блюменфельдского кургана А-12 в Нижнем Поволжье происходит изображение оленя, воспроизведенного в позе, характерной для хищников: обе ноги подогнуты и направлены вперед (это противоречит естественному положению передней ноги копытных животных, сгибающейся в запястье назад), шея и голова вытянуты вперед и находятся на одной линии с туловищем (рис. 2, 5) [Смирнов 1964, с. 239, рис. 78, 10; Полидович 2013а, с. 264]. В такой же позиции ноги изображены у оленей на изделиях из бокового погр. кург. 1 (на ажурных щитках перстней [Яблонский 2014, рис. III, 7-11]) и кург. 4 (на костяной бляхе из комплекса 1 [Рукавишникова, Яблонский 2008, рис. 1, 2] и на перекрестии меча из погр. 2 [Рукавишникова 2011, с. 53, рис. 1; Яблонский и др. 2011, с. 227-228, рис. 4]) мог-ка Филипповка 1 в Южном Приуралье, а также у оленей и косуль, воспроизведенных на рукояти и перекрестии меча из кург. 30 у с. Великая Белозерка в степном Причерноморье [Отрощенко 1984, с. 123, 124, рис. 2; Topal et al 2014, Fig. 14] и др.

Выделяется также небольшая серия изображений, известных как в петроглифах, так и в торевице из памятников восточных регионов скифского мира, на которых представлены копытные животные (преимущественно кони) с длинными хвостами, как у кошачьих хищников [Советова 2013].

**Кабанов** как существ, находящихся в традиционной зоологической классификации между травоядными и хищниками, часто изображали в позе, свойственной только хищникам, – с подогнутыми вперед обеими ногами. А на келермесской секире шерсть на фигурах кабанов воспроизведена таким же приемом, как и на фигурах хищников [Переводчикова 1986, с. 12-13, рис. 3; 1994, с. 46-48, рис. 4]. Характерным в этом отношении является и окончание псалия из 4-го Пазырыкского кург., где изображена голова хищного животного, из пасти которого торчит "кабаний" клык с загнутым окончанием (рис. 2, б) [Руденко 1953, табл. LXIV, 1].

**Верблюды** в искусстве Южного Приуралья изображались с хищной зубастой пастью, их голова с торчащим гребнем-хохолком была подобна головам грифона, а ноги превращались в лапы хищников (рис. 2, 7) [Смирнов 1964, с. 238; Переводчикова 2009, с. 129-130].

Известны также немногочисленные изображения **хищников с ногами копытных**, происходящие из ст. Елизаветинской в Прикубанье (рис. 2, 8) [Переводчикова 1987, рис. 3, 12].



**Рис. 2.** Полиморфные существа второго уровня: 1 – кург. у ст. Старо-Минской, Северный Кавказ [по: Смирнов 1964]; 2 – сел. Урус-Мартан, Кавказ [по: Смирнов 1964]; 3 – хут. Шунтук, Прикубанье [по: Ильинская, Тереножкин 1983]; 4 – кург. 3 у пос. Матвеевский, Южное Приуралье [по: Смирнов 1964]; 5 – кург. А-12 у пос. Блюменфельд, Нижнее Поволжье [по: Смирнов 1964]; 6 – 4-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]; 7 – Филипповский кург. 1, Южное Приуралье [по: Пшеничнюк 2012]; 8, 11, 20 – ст. Елизаветинская, Прикубанье [по: Переводчикова 1984]; 9 – кург. 1, мог-к Ак-Алаха-3, Горный Алтай [по: Полосьмак 2001]; 10 – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Древности 1872]; 12 – кург. 1905 г. у с. Аксютинцы, лесостепное Поднепровье [по: Ильинская 1968]; 13, 14 – кург. 11, мог-к Берел, Горный Алтай [по: Самашев 2012]; 15, 16, 18, 19 – Пазырыкские курганы, Горный Алтай [по: Руденко 1953]; 17 – мог. 2 кург. 18, мог-к Новотроицкое-2, Верхнее Приобье [по: Шульга и др. 2009]; 21 – мог. 2 кург. 1, мог-к Михайловский VI, предгорный Алтай [по: Фролов, Чекрыжова 1999]; 22 – Семиречье [по:

Джумабекова, Базарбаева 2013]; **23** – ст. Елизаветовская, Нижний Дон [по: Vorovka 1928]; **24** – Гарчиново, Болгария [по: Filow 1934]; **25** – 1-й Туэктинский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]; **26** – кург. 25а, мог-к Чултуков Лог-1, Верхнее Приобье [по: Бородовский, Бородовская 2013]

← **Fig. 2.** The polymorphic creatures of the second level group

Ялхой-Мохкского 4-го мог-ка [Махортых 1987, рис. 2, 27] и находок у г. Малгобек<sup>4</sup> [Смирнов 1964, с. 240, рис. 81, 9] на Кавказе, а также кург. 2 мог-ка Мажалык-Ховузу-1 в Туве [Грач 1980, с. 79, рис. 113, 2]. В ряде случаев ноги у хищников подогнуты так, как это свойственно для копытных животных. Это изображения на бронзовой уздечной бляхе из кург. 401 у с. Журовка в лесостепном Поднепровье [Бобринский 1905, с. 15, рис. 31], на окончаниях деревянной гривны из кург. 1 мог-ка Ак-Алаха-3 (рис. 2, 9) [Полосьмак 2001, рис. 47] и на уздечных деревянных предметах из кург. 11 мог-ка Берел [Самашев 2011, рис. 393; 401] в Горном Алтае.

На четырех бронзовых навершиях из насыпи кургана Чертомлык воспроизведено странное существо ("в виде львиноголового грифона (?), припавшего на передние лапы" [Алексеев и др. 1991, с. 154]), сочетающего в себе признаки как копытного (ноги, голова, рога?), так и хищного (пластичное тело, мощная шея с зубчатым гребнем, длинный хвост, закинутый на спину) животного (рис. 2, 10) [Древности 1872, табл. XXVIII, 2, 4; Алексеев и др. 1991, с. 154, 155, кат. 26].

**Рогатые хищники.** Это изображения различных хищников (с той или иной степенью обобщенности представленного образа), с рогами, характерными для определенных видов копытных животных. Рога у таких существ могли быть "козлиные" или "оленьи".

В сценах львиной охоты на серебрянном сосуде из кургана Солоха лев изображен в своем естественном виде, а львица – с *небольшими козлиными рогами* [Онайко 1970, табл. XXIX, кат. 435; Piotrovsky et al 1986, Pl. 157; Манцевич 1987, с. 88-90, кат. 61; Алексеев 2012, с. 157, фото]. Протомы существ с большим круглым глазом, приоткрытой пастью, небольшим ухом, закрученным козлиным рогом и передней лапой хищника (по Е.В. Переводчиковой, львиноголовый грифон ахеменидского типа) изображали в IV в. до н.э. в Прикубанье на предметах конской узды (рис. 2, 11) [Переводчикова 1984, с. 10, 11, рис. 4; 1987, с. 49, рис. 3, 4; Шедевры 1987, с. 80, 84, кат. 13]<sup>5</sup>.

Львы с *длинными "козлиными" рогами* со спирально закрученными концами изображены на золотых лентах от головных уборов из северо-восточной камеры центральной гробницы кургана Чертомлык [Древности 1872, табл. XXXV, 5; Онайко 1970, табл. XXXV, кат. 449и] и из кург. 1905 г. у с. Аксютинцы в лесостепном Поднепровье (рис. 2, 12) [Ильинская 1968, табл. XXII, 15]. Головы львов с такими же рогами воспроизведены на наконечниках золотого ожерелья эллинистического времени из погр. 1 (1879 г.) некрополя Нимфея [Силантьева 1959, рис. 50, 1]. Хищники с подобными рогами изображены на бронзовом кинжале из комплекса "Сяохэйшигоу 1975 г." в Северо-Восточном Китае [Ковалев 1998, рис. 1, 2] и изделиях из горноалтайского мог-ка Берел [Самашев 2011, рис. 393-395]. Из кург. 11 мог-ка Берел происходит несколько деревянных уздечных предметов с изображением рогатых хищников, у которых к тому же передняя лапа подогнута так, как это характерно для копытных животных (рис. 2, 13) [Самашев 2011, рис. 32; 33; 393]. Рогатый хищник на окончании деревянного псаля из кург. 11 мог-ка Берел имеет утрированные

<sup>4</sup> Сочетание черт хищника и копытного на данном изображении отмечали ряд исследователей [Виноградов 1972, с. 157; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 47]. В то же время, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский [1992, с. 101-102] выступили против такой трактовки.

<sup>5</sup> Существо с близким стилистическим обликом воспроизведено на бронзовом наноснике из ритуального комплекса 2 кург. 8 возле аула Уляп, однако у него длинная передняя нога с копытом на конце, что позволяет видеть в нем горного козла [Масленицына 1992, рис. 4, 8; Канторович, Эрлих 2006, кат. 73].



фантастические черты: очень массивный рог, вырастающий из небольшой головы, поднимающийся вверх и закрученный в спираль на конце, круглый глаз, "грифонье" остроконечное ухо, непропорциональное тело и толстый короткий хвост, торчащий вверх (рис. 2, 14) [Самашев 2001, рис. 361].

На Алтае таких фантастических хищников довольно часто изображали с рогами с толстым основанием и спирально загнутыми концами (рис. 2, 15, 16) [Руденко 1953, табл. LVI, 1-2; LXVII, 4-6; Баркова 1985, с. 37-40, рис. 5-6; Шульга и др. 2009, рис. 116, 12; Самашев и др. 2010, рис. 10, 2, 3, 5, 9]. Данный тип рогов Л.Л. Баркова называет рогами джейрана. Подобное определение можно принять лишь частично, учитывая массивность рогов, характерную для этих существ. Вместе с тем, голова хищника с тонкими рогами джейрана воспроизведена на одном конце бронзовых костыльков из мог. 2 кург. 18, мог-ка Новотроицкое-2 в Верхнем Приобье (рис. 2, 17) [Шульга и др. 2009, рис. 93, 6-7; 116, 15].

По всей видимости, изображения хищников с длинными рогами, закрученными на концах, появились под влиянием искусства ахеменидского Ирана, с той особенностью, что на ахеменидских изображениях рога заканчиваются шариками с плоско срезанной верхней частью [Баркова 1985, с. 40]. Однако если подобное заключение можно сделать в отношении длинных рогов, то короткие рога совсем иного типа [Киселев 1949, табл. 32, 8; Кубарев 1987, табл. LXXIV, 23; Баркова 1985, рис. 6]: они очень массивные, закручиваются в тугую спираль и скорее напоминают волосы в своеобразной прическе, чем собственно рога (рис. 2, 15). На изделиях из 5-го Пазырыкского кург. такой короткий рог с завитком на конце фактически превращается в спиралевидное ухо (рис. 2, 18) [Руденко 1953, табл. LXIX, 1-4]. А на светильниках (курильницах) из Семиречья рога у таких хищников превращаются в очень массивный завиток, как бы выходящий из шеи и плеча зверя (рис. 2, 22) [Джумабекова, Базарбаева 2013, с. 99, рис. 5, 2; с. 109, рис. 6, 8]. Не исключено, что в данном случае происходит своеобразная контаминация таких элементов, как рог и крыло, одинаково воспроизводимых местными мастерами как непонятные элементы.

Особый тип фантастического хищника – с торчащей короткой гривой, торчащими вперед ушами и рогами – представлен на седельных подвесках из 1-го Пазырыкского кургана (рис. 2, 19) [Руденко 1953, табл. СХIII]. В виде головы подобного существа выполнены скульптурные ножки бронзового котла из Семиречья: оно имеет львиную голову, длинные рога с шариком на конце, длинные остроконечные прижатые уши и торчащий прямой гребень; из пасти хищника "выходит" нога копытного [Джумабекова, Базарбаева 2013, с. 100, рис. 5, 6]. А на окончании железной, покрытой листовым золотом гривны из мог. 2 кург. 1 мог-ка Михайловский VI в предгорном Алтае изображен монстр со своеобразной хищной мордой и "джейраньими" рогами, направленными вперед (рис. 2, 21) [Фролов, Чекрыжова 1999, с. 51, рис. 1, 1]. По всей видимости, подобное же существо воспроизведено на деревянной детали узды из 4-го Пазырыкского кург. [Руденко 1953, табл. LXIV, 5].

Изображения существ в виде *хищника с "оленьими" рогами* встречаются гораздо реже. К ним, в частности, относятся единичные находки из ст. Елизаветинской в Прикубанье [Переводчикова 1984, с. 10, 11, рис. 4, 6, 7, 9-11]. Полнофигурное изображение такого существа происходит из находок у ст. Елизаветовской на Нижнем Дону, где оно воспроизведено с массивным телом, львиными лапами и гривой, раскрытой клыкастой пастью и оленьими рогами, отростки которых трансформированы в стилизованные птичьи головы (рис. 2, 22) [Borovka 1928, pl. 20B; Смирнов 1964, с. 240]. Более условно воспроизведено подобное синкретичное существо на бронзовой бляшке из находок у ст. Елизаветинской в Прикубанье (рис. 2, 23) [Переводчикова 1987, с. 49, рис. 3, 2; 1994, с. 54, рис. 25, 2].

Оленерогий хищник изображен и на бронзовой матрице из Гарчиново в Болгарии (рис. 2, 24) [Filow 1934; Мелюкова 1976, с. 108-111]. Его рога состоят из переднего отростка в виде головы хищной птицы и заднего "ствола" с десятью симметричными парами птичьих голов, расположенного параллельно туловищу. Вероятно, к рогам относятся и пара протом хищников, расположенных мордой друг к другу. Данные рога лишь условно можно считать

оленьими, т.к. они отличаются от рогов изображенного на этой же матрице оленя, которые состоят из S-видных завитков, заканчивающихся головами баранов. Но, в тоже время, в качестве аналогии рогу гарчиновского существа можно привести рог оленя на золотой пластинке из кург. 401 у с. Журовка [Бобринский 1905, рис. 35], что ранее уже отмечалось А.И. Мелюковой [1976, с. 110]. Данное и другие обстоятельства позволяют связывать гарчиновскую пластину со скифским "звериным стилем" [Мелюкова 1976, с. 109-110; там же см. историографию вопроса]. Другие же исследователи считают ее произведением фракийского искусства, находившегося под влиянием искусства ахеменидского Ирана [Венедиков 1968, с. 3-16; Переводчикова 1994, с. 53].

В восточных регионах скифского мира изображения хищников с оленьими рогами также единичны. Так, кожаные ажурные аппликации седельной подушки из 1-го Туэктинского кургана представляют полнофигурное изображение тигра в профиль с ветвистыми оленьими рогами (рис. 2, 25) [Руденко 1960, рис. 87; Баркова 1985, с. 34-35, рис. 3]. Также изображения рогатого фантастического хищника, датируемые IV в. до н.э., происходят из ряда алтайских комплексов: кург. 25а мог-ка Чултуков Лог-1 (рис. 2, 26), Новоалтайского мог-ка, мог. 2 кург. 6 мог-ка Новый Шарап 1 и кург. 1 мог-ка Кызыл-Джар-V [Бородовский, Бородовская 2013, с. 49, рис. 114, 1-2; 115]. Продолжают они бытовать и в искусстве времени хунну: например, на золотых поясных пластинах из мог-ка Алучайден [Bunker et al 2002, fig. 40], золотой поясной бляхе из Сибирской коллекции Петра I [Артамонов 1973, илл. 194], бронзовой бляхе из Ордоса [Bunker et al 2002, p. 103, cat. 71] и др.

Л.Л. Баркова выделяет также изображения *тигра с рогами барана*, представленные на сбруйных бляшках из 1-го Туэктинского кургана [Баркова 1985, с. 35-36, рис. 4], однако, на наш взгляд, за рога приняты орнаментальные элементы, связанные либо с туловищем хищника (крылья?), либо со сложной растительной композицией.

### Полиморфные существа третьего уровня

В их в внешнем облике сочетаются признаки животных *разных зоологических классов*.

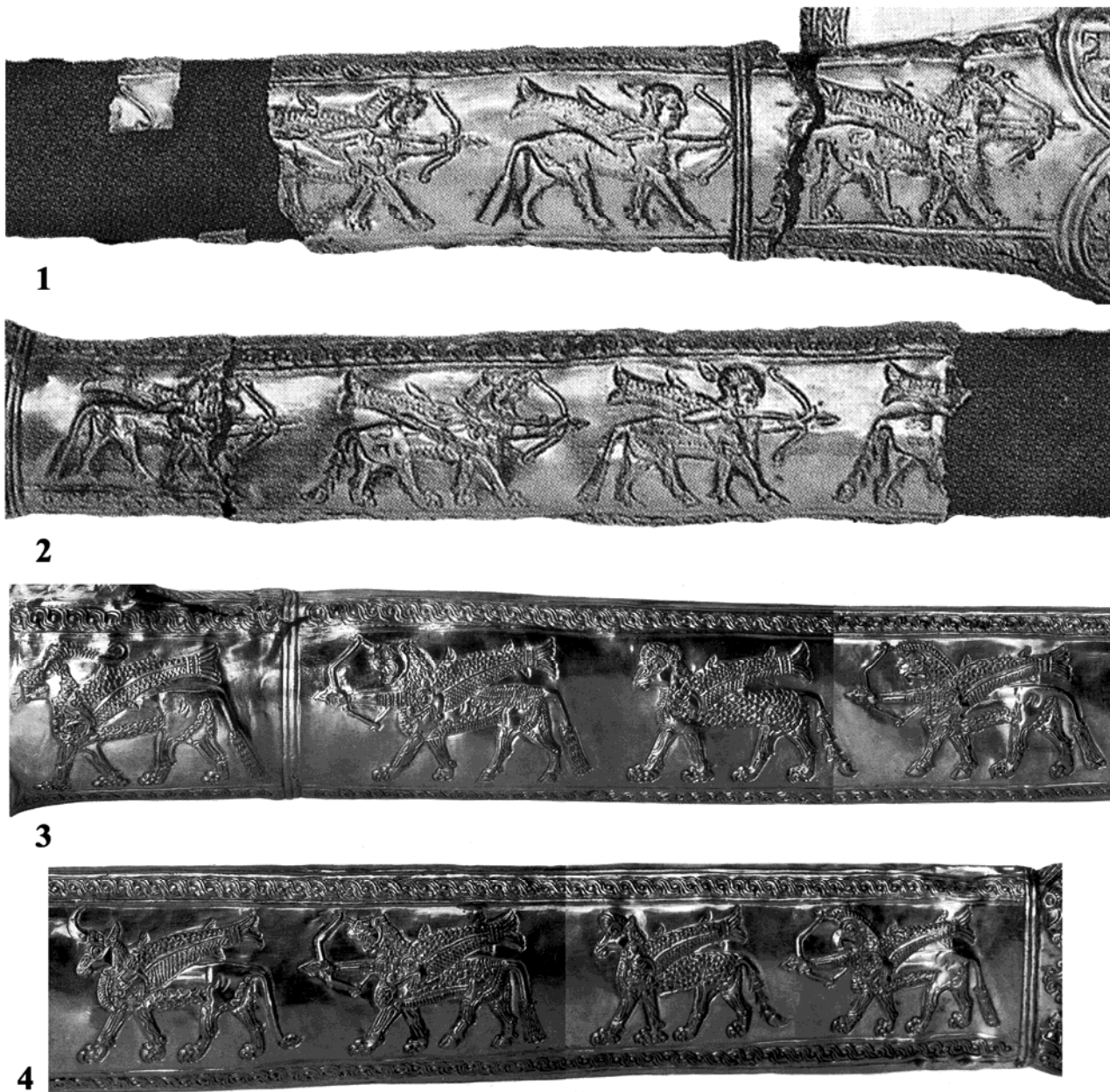
Наиболее ранними из них и нестандартными являются монстры, изображенные на ножнах мечей из Мельгуновского и Келермесского № 1/Ш курганов [Придик 1911, с. 5-11, табл. I, III, IV; Черненко 1980; Галанина 1997, с. 92-98, 222-223, рис. 25, табл. 7-9; Кисель 2003, с. 29-30, 123, 124].

На *мельгуновских ножнах* (рис. 3, 1-2) [Черненко 1980, с. 19-22; Алексеев 2012, с. 116, фото], судя по всему, у всех существ изображены крылья в виде рыб с зубастой пастью и руки с натянутыми луками. 1-й и 5-й (?) монстры являются оригинальными, остальные повторяются дважды, при этом четные имеют тело, ноги и хвост быка, нечетные – тело и когтистые лапы льва, хвост скорпиона (в сочленениях и с жалом на конце)<sup>6</sup>. Из них 1-й имеет голову орлиноголового грифона с гребнем, туловище льва и хвост скорпиона; 2-й (= 6-му) – голову человека и туловище быка; 3-й (= 7-му) – голову и туловище льва, хвост скорпиона; 4-й (= 8-му) – голову с прямым коротким клювом, гребнем на голове, который заканчивается валиком на плечах, и длинным торчащим ухом, туловище, ноги и хвост быка; у 5-го голова не сохранилась, тело льва, хвост скорпиона.

На *келермесских ножнах* (рис. 3, 3-4) [Черненко 1980, с. 15-17; Галанина 1997, табл. 9] у всех существ имеются крылья в виде рыбы с головой льва, у каждого второго из них из груди "выходят" человеческие руки, в которых находится натянутый лук со стрелой. Двое монстров, 1-й и 5-й, являются оригинальными, остальные повторяются дважды: 1-й имеет

<sup>6</sup> Ср. с описанием саранчи в "Откровении Иоанна Богослова" (Откр. 9:7): по виду своему она "была подобна коням, приготовленным на войну; и на голове у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же у ней – как лица человеческие; и волосы у ней – как волосы женщины, а зубы у ней были, как у львов; на ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов. И в хвостах ее были жала; власть же ее была – вредить людям пять месяцев".

голову и туловище льва, длинный рог, загнутый на конце, и хвост быка (льво-рыбо-бык, по В.Г. Луконину [1977, с. 32]; 2-й (= 6-му) – переднюю часть льва, заднюю – быка, тело его покрыто шерстью, воспроизведенной в виде завитков; 3-й (= 7-му) – голову копытного (?) с роговым (?) гребнем, тело и лапы льва (тело покрыто шерстью, изображенной в виде чешуи), хвост скорпиона с жалом на конце; 4-й (= 8-му) – голову орлиноголового грифона с гребнем, передние ноги быка, туловище и задние ноги льва; 5-й – голову быка, туловище и хвост льва.



**Рис. 3.** Полиморфные существа третьего уровня:  
1-2 – Мельгуновский кург., Северное Причерноморье [по: Алексеев 2012];  
3-4 – Келермесский № 1/Ш кург., Прикубанье [по: Галанина 1997]

**Fig. 3.** The polymorphic creatures of the third level group:  
the monsters from Melghunov and Kelermes barrows

Таким образом, все представленные на ножнах фигуры чудовищ скомпонованы из отдельных частей тел разных животных (лев, бык, баран, козел/газель, хищная птица, рыба, скорпион, пресмыкающееся?) и человека. В настоящее время большинство исследователей считает, что истоки данных образов следует искать в искусстве Урарту и, возможно,

Ассирии, хотя их нельзя воспринимать как чисто урартские. По всей видимости, в изготовлении ножен принимали участие торевты, воспитанные на урартских художественных традициях [Пиотровский 1954; 1959, с. 252; Van Loon 1966, p. 175; Черненко 1980, с. 15-17, 20-24, 26; Кисель 2003, с. 30; Канторович 2012а, с. 209-211]. Характерно, что до сих пор не известно ни одного иконографического повторения данных монстров в собственно скифской традиции.

Среди полиморфных существ третьего уровня наиболее распространенным является сочетание признаков *птиц и млекопитающих (хищных и травоядных)*. По характеру сочетания различных частей этих животных можно выделить 2 типа существ: 1) птицеголовые и крылатые; 2) крылатые.

### **Птицеголовые и крылатые существа**

#### Ушастая птица

Ряд изображений хищных птиц в скифском “зверином стиле” дополнялись элементами, не свойственными этому классу животных, в частности звериными ушами, а на Алтае также небольшим гребнем и хохолком, что и отличает их от иконографии собственно птиц [Шульга 2003, с. 252]. Так создается образ фантастической птицы со звериным ухом, который Н.Н. Погребова назвала скифским “грифоном”, представляющим собой “самобытное явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое” [Погребова 1948, с. 67]. Также грифонами (ушастыми грифонами) эти существа называют и другие исследователи [Черников 1965, с. 58; Завитухина 1983, с. 17-18, 78-79; Погребова, Раевский 1992, с. 154; Полосьмак 1994; Шульга 2003, с. 251-252; др.; см. также: Королькова 2015, с. 160-161]. Высказывалось мнение, что данный образ представляет грифа. Но если для С.И. Руденко [1960, с. 285] и П.И. Шульги [2003, с. 253] это гриф или мифический орел, то для В.Д. Кубарева – образ, реальным прототипом которого является птица гриф и в котором выражены синкретические черты волко-птицы (волчьими являются уши) [Кубарев 1991, с. 154-157]. По мнению А.И. Шкурко, лишь утрирование природных признаков хищной птицы придает фантастичность данному образу, а потому применять к этим изображениям термин “грифон” нет оснований [Шкурко 1982, с. 3]. Вместе с тем, как отметил А.Р. Канторович, “если преувеличенный размер глаза и чрезмерная загнутость клюва могут объясняться подобным утрированием, то наличие уха, не свойственного птицам в природе, нельзя отнести на счет стилизации. Поскольку перед нами в большинстве случаев лишь часть вместо целого (обособленная голова), нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, каким это целое представлялось создателю изображения и его зрителям: зверем ли с птичьей головой (грифоном), птицей ли со звериными ушами. Однако последнее вполне вероятно. Это косвенно подтверждается преимущественным изображением ушей “скифского грифона” не в вертикальном положении, перпендикулярно клюву, как требует иконография собственно грифона, а горизонтально или наискось” [Канторович 2010, с. 205-206; 2012а, с. 222].

Вероятно, одним из наиболее ранних, относящихся к VI в. до н.э., является изображение головы птицы с каплевидным ухом на плоскости бронзового навершия в виде головы птицы из 2-го Ульского курга. (1909 г.) (рис. 4, 1) [Borovka 1928, pl. 24; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 58]. По мнению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского [1992, с. 154], клюв основного изображения птицы, является одновременно длинным заостренным хвостом ушастой птицы. В целом же изображения ушастой птицы были характерны уже для памятников конца VI – IV вв. до н.э., происходящих с территории всей Евразийской степи.

Для изображений V в. до н.э., происходящих с западных регионов скифского мира, характерно стилизованное “звериное” ухо различной формы. Оно могло быть удлиненное, как на серии изображений на бронзовых уздечных бляшках из курга 425 у с. Кулешовка, курга 499 у с. Басовка, курга 502 у с. Броварки (рис. 4, 2) в лесостепном Поднепровье, погр. 1 курга 6 курга. гр. II у с. Ковалевка в степном Побужье, мог-ка Нартан на Северном Кавказе, “скифской коллекции Р. Зимовца” и др. [Ильинская 1968, табл. XXVIII, 10; XLVII, 8;

Шкурко 1976, с. 96, рис. 2, 9; Галанина 1977, табл. 28, 3; Ковпаненко и др. 1978, рис. 36; Малышев, Равич 2001, рис. 1, 10; Скорый, Зимовец 2014, с. 119, кат. 348-349], а также на бронзовом наноснике из погр. 3 кург. 48 Акташского мог-ка в Крыму<sup>7</sup> (рис. 4, 3) [Бессонова, Скорый 1986, рис. 6, 3] и бляшке из кург. 7 у пгт Стеблев в лесостепном Поднепровье [Скорый 1997, рис. 34, 4]. Реже встречается иная форма уха: ромбовидная (некрополь Нимфея, кург. 24 [Силантьева 1959, рис. 37, 8]), с рубчатой разделкой внешнего края (рис. 4, 4) (Бобрица, кург. 33, Стеблев, кург. 3, “скифская коллекция Р. Зимовца” [Ханенко, Ханенко 1900, табл. LVI, ж; Скорый 1997, рис. 22, 8-9; Скорый, Зимовец 2014, с. 121, кат. 354]), округлая (рис. 4, 5) (Журовка, к. 401<sup>8</sup> [Бобринский, 1905, рис. 40], Цемдолина на Северном Кавказе [Малышев, Равич 2001, рис. 1, 1]) и др. Часто к задней части головы таких птиц примыкает античная пальметка (например, рис. 4, 4). На бронзовом навершии из прикубанского 10-го Ульского кург. изображена птица с каплевидным остроконечным ухом (рис. 4, 6) [Канторович 2012а, с. 224-225, рис. 13, 2]. На памятниках IV в. до н.э. голова ушастой птицы изображена на наносниках-протомах из насыпи курганов Солоха [Манцевич 1987, с. 112, 113, кат. 117], Толстая Могила (рис. 4, 7) [Мозолевский 1979, рис. 19, 1], Гайманова Могила [Бидзиля, Полин 2012, с. 68-71, рис. 70-71, 77, 78, 81], Чертомлык (рис. 4, 8) [Алексеев и др. 1991, рис. 55; 56, 7; кат. 17, 186], серии курганов из лесостепного Приднепровья [Могилов 2008, рис. 166, 22, 26-31; 167, 1-2, 4, 6-10], а также из “скифской коллекции Р. Зимовца” [Скорый, Зимовец 2014, с. 74-77, кат. 256-265].

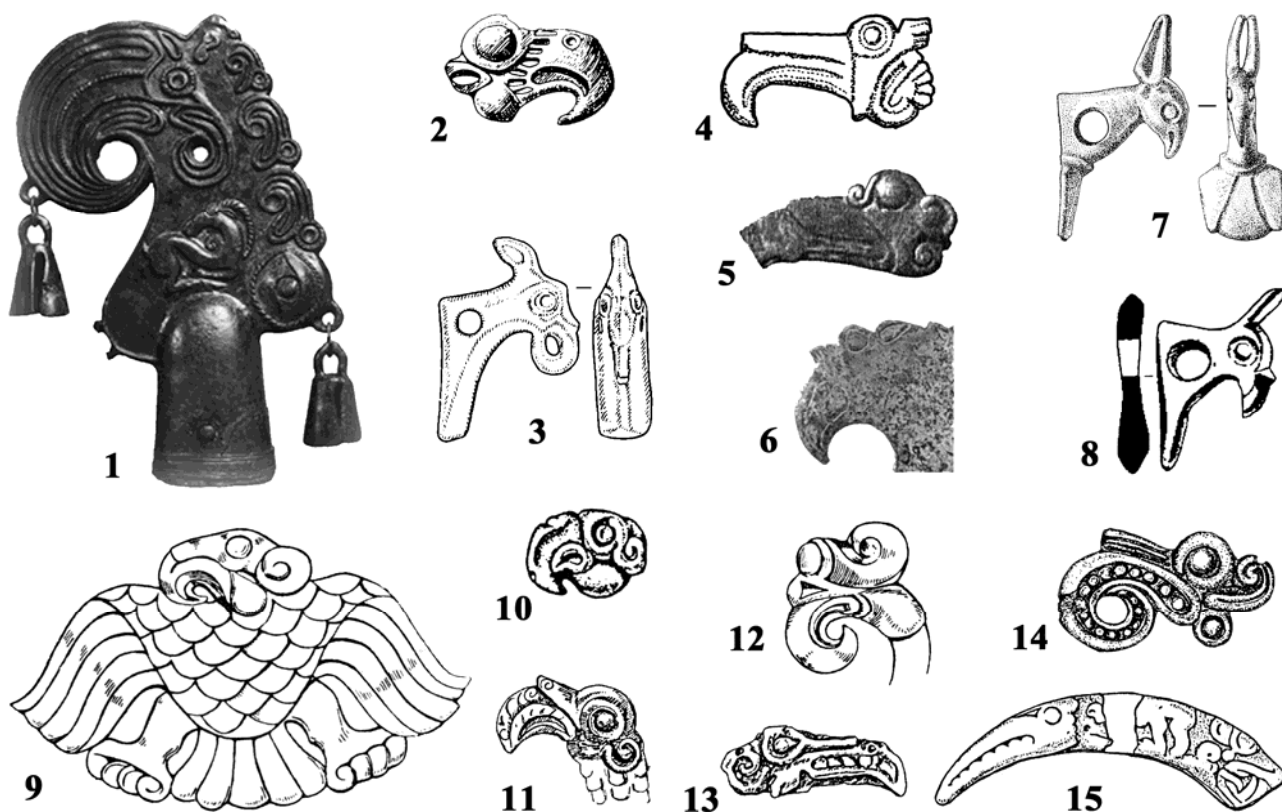
Полнофигурные изображения такой фантастической птицы, происходящие из западных регионов скифского мира, чрезвычайно редки. В Северном Причерноморье это, вероятно, только изображения птиц на навершии с антропоморфной фигуркой (Папаем?) и птицами из Поднепровья [Канторович 2010, с. 206; 2012а, с. 222]. В Прикубанье известно одно изображение ушастого орла в сцене когтения рыбы на золотой бляшке из “Майкопскогоклада” [Leskov 2008, cat. 149, p. 117-118; Канторович 2010, с. 206, рис. 12, 6].

От Нижнего Поволжья и до Алтая были распространены изображения птичьих голов с *круглыми ушами*, оформленными как правило в виде спиралевидных завитков (рис. 4, 9-15). Это один из самых многочисленных типов изображений [Смирнов 1964, с. 217-219; Членова 1967, с. 137, табл. 26, 24-30; Завитухина 1983, с. 17-18, кат. 214-221; Мацына 1999, с. 15-16; Чекрыжова 2004, с. 14; Королькова 2006, с. 53-65; Переводчикова, Таиров 2010, с. 199, рис. 4; др.]. По предположению К.Ф. Смирнова, такое ухо-завиток могло появиться как трансформированный локон, известный по архаичным изображениям грифонов из Восточной Греции или Передней Азии [Смирнов 1964, с. 217-218]. Напротив, Е.Ф. Королькова справедливо считает, что иконографический тип хищной птицы с мощным клювом и волотообразным ухом, “очевидно, должен связываться генетически с памятниками башадарско-туэктинского круга, где подобные изображения могут быть датированы самым ранним временем – концом VI – V вв. до н.э.” [Королькова 2006, с. 61]. Именно такую группу изображений на материалах ранней пазырыкской культуры выделяет П.И. Шульга, датируя ее в пределах середины VI – начала V вв. до н.э. Она представляет изображения “мифических орлов”: либо редуцированную их голову, либо полнофигурные изображения хищной птицы с округлым ухом, оформленным, как правило, в виде завитка-запятой [Шульга 2003, с. 254, 256-257, рис. 1, 24, 25].

Полнофигурные изображения птиц со звериными ушами продолжали бытовать и в хунно-сарматскую эпоху [Руденко 1962, табл. I, 4; III, 5; IV, 2, 3; V, 5; Засецкая 2012, с. 362-363, рис. 8; 10, 1].

<sup>7</sup> В данном случае можно предположить, что наносник является частью маски-оголовья, состоящей также из блях-нащечников в виде задних лап хищника, представляющих цельный образ орлиноголового грифона [Бессонова, Скорый 1986, с. 167-168, рис. 5; 6, 5-6; 7].

<sup>8</sup> На данном изображении необычным является “локон” со спиральным завитком на конце, спускающийся перед глазом (рис. 4, 5).



**Рис. 4.** Полиморфные существа третьего уровня: **1** – 2-й Ульский кург. (1909 г.), Прикубанье [по: Piotrovsky et al 1986]; **2** – кург. 502 у с. Броварки, лесостепное Поднепровье [по: Галанина 1977]; **3** – кург. 48, погр. 3, Акташский мог-к, Крым [по: Бессонова, Скорый 1986]; **4** – кург. 3 у п. Стеблев, лесостепное Поднепровье [по: Скорый 1997]; **5** – кург. 401 у с. Журовка, лесостепное Поднепровье [по: Бобринский 1905]; **6** – 10-й Ульский кург., Прикубанье [по: Канторович 2012a]; **7** – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; **8** – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Алексеев и др. 1991]; **9** – 1-й Туэктинский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]; **10** – кург. 1 у с. Ивановка, Нижнее Поволжье [по: Королькова 2006]; **11** – 1-й Филипповский курган, Южное Приуралье [по: Королькова 2006]; **12** – 1-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]; **13** – мог-к Новоорский II, Южное Приуралье [по: Королькова 2006]; **14** – комплекс Хошеутово, Нижнее Поволжье [по: Королькова 2006]; **15** – погр. 22 кург. 5, мог-к Заханата, Нижнее Поволжье [по: Королькова 2006]

**Fig. 4.** The polymorphic creatures of the third level group: birds with ears and teeth

#### Зубастая птица

Для серии изображений на кабаньих клыках и их бронзовых имитациях, происходящих из памятников конца VI – первой половины V вв. до н.э. из лесостепного Поднепровья, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, характерно изображение на остром конце клыка головы птицы с длинным и слегка изогнутым клювом, который по наличию в нем зубов напоминает оскаленную пасть хищника (рис. 4, 15). Зубы воспроизведены, как правило, в виде округлых "жемчужин". Представлены только изображения голов этих существ, в виде которых оформляли концы псалий, кабаньих клыков-подвесок или их имитаций и других изделий [Королькова 2006, табл. 23]. К.Ф. Смирнов определял такие существа как "орлов-грифонов" [Смирнов 1976, с. 75]. Эти существа воспроизводились с ухом (Блюменфельд к. А12; Заханата к. 5, п. 22; совхоз им. Кирова, 1-й кург. мог-к, к. 9, п. 20; Сынтас, к. 1, п. 2; Ялхой-Мохкский мог-к, разруш. погр.; Новогрозный, разруш. погр. [Королькова 2006, табл. 60, 4, 11, 13; 61, 8; 62, 2, 5]) или без такового (Хошеутово; Кривая Лука-XVII к. 15, п. 2; святилище Реком; Пастырское городище; Роменские кург.; Гуляй-Город [Королькова 2006, табл. 60, 5, 12; 62, 3; 64, 8, 11,

12]). Аналогичный образ ушастой и зубастой птицы воспроизведен и на золотых бляшках из кург. 9 у с. Новый Кумак и мог-ка Новоорский II в Южном Приуралье (рис. 4, 13) [Смирнов 1964, рис. 77, 25; Королькова 2006, с. 62, табл. 22, 16, 21].

С подобными зубами изображены головы птиц на золотых накладках на деревянные чаши из кург. 1 (Острая Могила) и кург. 2 у с. Яблоновки в Днепровской лесостепи [Петренко 1967, табл. 16, 8, 17, 19], погр. 3 кург. 2 мог-ка Ковалевка II в Нижнем Побужье [Ковпаненко и др. 1978, рис. 33, 3] и на бронзовых уздечных бляшках из комплекса Хошеутово в Нижнем Поволжье (рис. 4, 14) [Королькова 2006, с. 63, табл. 21, 17, 18] с той особенностью, что клюв птиц в данных случаях спиралевидно загнут. Близкие к ним зубастые птицы воспроизведены на крестовидной бляхе V в. до н.э. из погр. 90 мог-ка *Torokszentmiklos-Surjan* в Среднем Подунавье [Kemenczei 2009, Taf. 127, 1].

Из 2-го Семибратнего кургана в Прикубанье, кург. 4 у с. Бересняги, из Каневского уезда в Днепровской лесостепи и др. происходят изображения птичьей головы с надклювьем, нижняя линия которого воспроизведена в виде зазубрин (имитация зубов?) и, вероятно, ухом [Артамонов 1966, табл. 115; Петренко 1967, табл. 16, 5, 7].

### Грифон

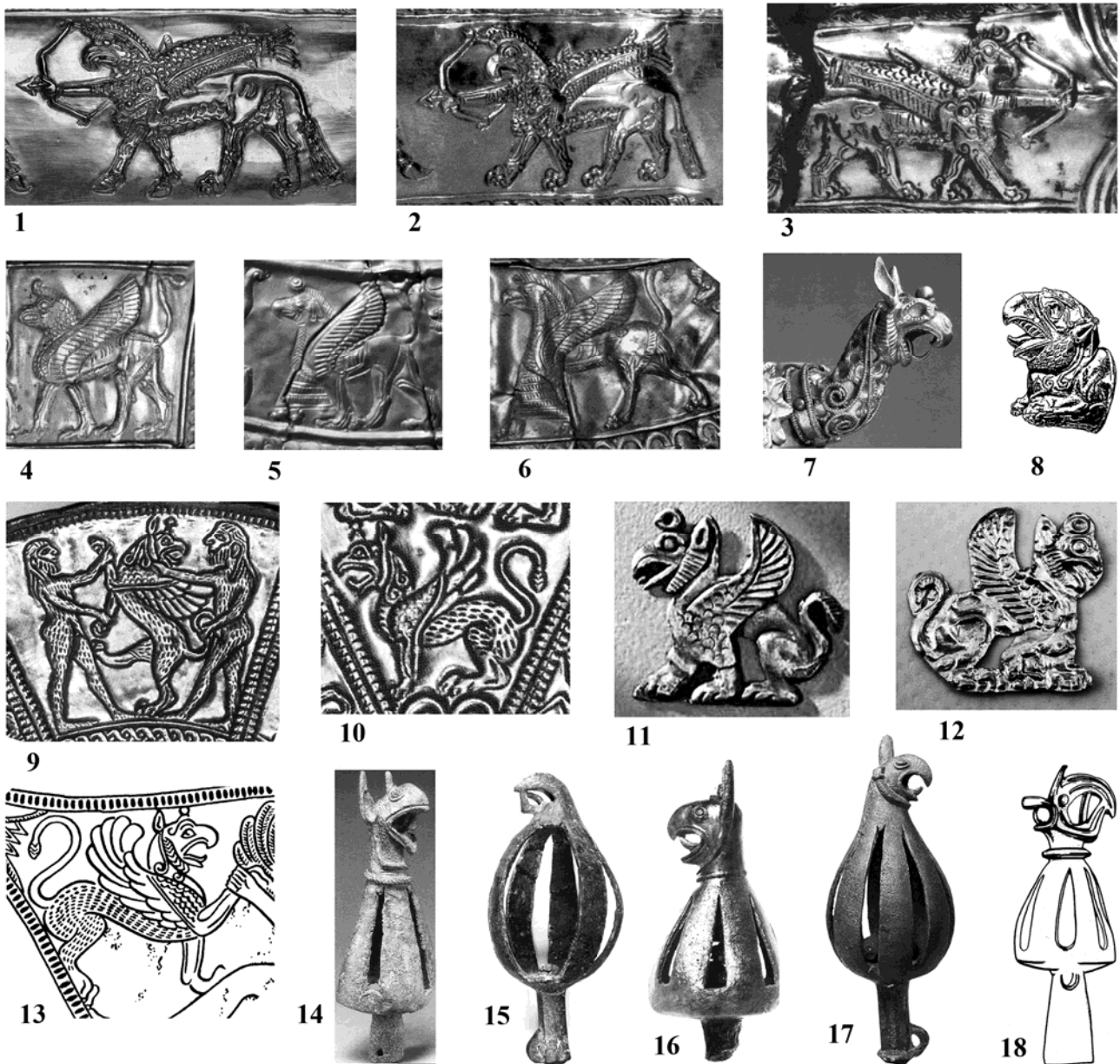
Термином *грифон* принято называть почти все фантастические существа. Как отметила Е.В. Переводчикова, "крылатых зверей с телом хищника, но обладающих кроме крыльев и другими признаками, не совместимыми с внешним обликом хищника, принято называть грифонами. Грифоны бывают и львиноголовыми<sup>9</sup>, но этим это их разнообразие не исчерпывается" [Переводчикова, 1994, с. 49]. Вместе с тем, считаем, что следует вернуться к изначальному определению образа грифона, сложившемуся в античной традиции, откуда оно пришло в наше время.

Грифон – термин, производный от древнегреческого слова *γρύψες*, гриф. Наиболее ранние из известных сообщений о грифах принадлежат Аристею Проконессому (VII в. до н.э.), однако его поэма "Аримаспея" не сохранилась, а известна нам в пересказе других авторов [Фрагменты... 1989, с. 94-96]. Так, автор II в. н.э. Павсаний пишет, что, по словам Аристея, "грифы – звери, похожие на львов, но с крыльями и клювом орла" (Pausan., I, 24, 6) [цит. по: Фрагменты... 1989, с. 96]. Рассказ о грифах со ссылкой на сообщения бактрийцев содержался в сочинении Ктесия (конец V – начало IV вв. до н.э.) "Индика", дошедшем до нас во фрагментах и пересказе авторов римского времени. Согласно Фотию (Phot., §26), "грифы – четвероногие птицы, величиной с волка, с ногами и когтями как у льва. Перья [у них] на всем теле – чёрные, а на груди – красные" [цит. по: Пьянков 1976, с. 19]. По Элиану (Aelian., N.A., IV, 27), "гриф, это индийское животное – четвероногое, наподобие льва, когти имеет чрезвычайно сильные и притом также похожие на [когти] льва. Повествуют, что спина [его] покрыта перьями и цвет этих перьев – чёрный, а спереди, говорят, красный. Крылья же у него – ни того и ни другого [цвета], но белые. Шея, рассказывает Ктесий, у него украшена тёмно-синими перьями, клюв орлиный, голова такая, какую мастера рисуют или ваяют, глаза его, говорит, огненные" [цит. по: Пьянков 1976, с. 19].

Также острокогтистых/остроклювых грифов упоминает Эсхил (конец VI – V вв. до н.э.), говоря о них как о Зевсовых бесшумных собаках<sup>10</sup> (Aeschyl., Prom., 803-804). Эти слова интерпретировали как отличное от основной (аристеевской) традиции описание внешности грифов [Пьянков 1976, с. 22], однако в данном случае Эсхил скорее говорит о функции грифов как охранников, а не об их внешности [см. также: Шаб 2009, с. 279].

<sup>9</sup> Это рогатые и крылатые хищники, которых вслед за Г. Азарпей [Azarpey, 1959, p. 326] также называют *львиноголовыми* (*львиным*) *грифонами* ахеменидского типа [Переводчикова, 1994, с. 10].

<sup>10</sup> Ζηρός ἀκραγεῖς κύνας: "Зевса бешеных собак" в пер. С. Апта [Эсхил 1971, с. 201]; "остроклювые безгласные псы Зевса" в пер. И.В. Пьянкова [Пьянков 1976, с. 22]; "Зевсовых собак безмолвных" в пер. А.И. Пиотровского [Эсхил 1989, с. 258]; "noiseless hounds Of Zeus" в пер. А.А. Podlecki [Aeschylus 2005, p. 135].



**Рис. 5.** Полиморфные существа третьего уровня, грифоны: 1-6 – *переднеазиатский тип*: 1-2 – Келермесские курганы, Прикубанье [по: Алексеев 2012]; 3 – Мельгуновский курган, Среднее Приднепровье (фото из архива ГЭ); 4-6 – комплекс Зивийе, Северо-Западный Иран [по: Helwing 2007]; 7-18 – *раннегреческий тип*: 7, 9, 10, 13, 17 – Келермесские курганы, Прикубанье [по: Галанина 1997; Алексеев 2012]; 8 – комплекс Зивийе, Северо-Западный Иран [по: Канторович 2012a]; 11-12 – курган Перепятиха, Приднепровская лесостепь (фото Д.В. Клочко); 14 – находки близ г. Майкопа, Прикубанье [по: Канторович 2010]; 15 – кург. 1 у хут. Говердовский, Прикубанье [по: Эрлих, Нехаев 2011]; 16 – кург. 8 мог-ка Новозаведенное-II, Северный Кавказ [по: Канторович 2010]; 18 – 1-й Ульский кург. (раскопки 1908 г.), Прикубанье [по: Канторович 2010]

**Fig. 5.** The polymorphic creatures of the third level group, griffins: 1-6 – the images of the Near East type; 7-18 – the images of the Early Greek type

Таким образом, уже в античности бытовали достаточно четкие представления об облике грифов. Существует обоснованное предположение, что они, скорее всего, сложились под влиянием изобразительной традиции, уже давно сформировавшейся к тому времени [Bolton 1962, p. 68; Пьянков 1976, с. 22]. Также совершенно обосновано считается, что гриф в античной мифологии – образ не исконно греческий, а пришедший с Ближнего Востока



[Пугаченкова 1959, с. 70; Пьянков 1976, с. 21], так же, как и само слово γρύψες (гриф), возможно, происходит из семитского названия херувима *k<sup>e</sup>rub* [Яйленко 1990, с. 223]. Но гриф/грифон рано и довольно прочно обосновался в мире греческих мифологических образов, обрел там свое место и свои функции. Это же можно сказать и в отношении иконографии образа грифона, основой которой, по мнению ряда исследователей, была “долговременная переднеазиатская традиция образов монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы – традиция и гораздо более ранняя, чем греческая, и первичная по отношению к ней” [Канторович 2010, с. 195-198; 2012а, с. 203-211; см. также: Руденко 1961, с. 47-50; Курочкин 1992, с. 114-115; Кисель 2003, с. 53-54; др.].

Именно этот мифологический и иконографический образ фантастического существа, сочетающего в себе признаки льва и хищной птицы, на наш взгляд, и следует считать грифом/грифоном [см. также: Королькова 2015, с. 167].

В искусстве скифского времени грифон – самый популярный образ фантастического животного, бытовавший на протяжении всего периода существования культур скифского типа (и скифского “звериного стиля” соответственно) на значительной территории скифского мира, прежде всего, в Северном Причерноморье, лесостепном Поднепровье, Среднем Подонье, Прикубанье и Горном Алтае [Погребова 1948, с. 62-67; Ильинская 1965, с. 100-101; Шкурко 1982; Переводчикова 1987, с. 46, 49; Канторович 2010; 2012а; Руденко 1960, с. 285-293; Баркова 1987, с. 6-29; Шульга 2003, с. 250-258; Чекрыжова 2004, с. 13-14; др.].

Если говорить об образе собственно орлиноголового грифона, то, исходя из особенностей его иконографического и стилистического воплощения, все изображения, бытовавшие в скифском искусстве, можно разделить на 4 типа.

Первый из них был обозначен Н.Н. Погребовой как *ориентализирующий* или *переднеазиатский* тип [Погребова 1948, с. 62; см. также: Шкурко 1982, с. 3; Канторович 2010, с. 189-191, 198; 2012а, с. 211]. Это изображения на ножнах мельгуновского и келермесского мечей, датирующиеся в пределах второй половины VII в. до н.э.: по одному с лицевой и оборотной стороне на мельгуновских ножнах<sup>11</sup> (рис. 5, 3) и по два – на келермесских (рис. 5, 1-2) [Придик 1911, с. 5-11, табл. I, III, IV; Черненко 1980; Галанина 1997, с. 92-98, 222-223, рис. 25, табл. 7-9; Кисель 2003, с. 29-30, 123, 124]. Исследователями неоднократно отмечалось, что фигуры этих грифонов в целом выполнены в ассирио-урартском стиле [Придик 1911, с. 14, 20; Погребова 1948, с. 63; Пиотровский 1944, с. 312; 1954, с. 46-69; Черненко 1980, с. 15-17, 20-22; Кисель 1998, с. 7, 8; Канторович 2010, с. 198; 2012а, с. 209-211]. Их особенностью являются человеческие руки, как бы вырастающие из груди существа и растягивающие лук, что характерно также почти для всего ряда фантастических существ, воспроизведенных на данных ножнах. Изображения грифонов насыщены различными деталями, что отличает их от переднеазиатской стилистики [Пиотровский 1959, с. 252; Кисель 2003, с. 29; Канторович 2010, с. 198; 2012а, с. 211]. В первую очередь это касается крыльев, превращенных в фигуры рыб. Данный прием, хотя и уникальный, вполне может рассматриваться в контексте скифской традиции зооморфных превращений, которая появилась уже на ранней стадии существования “звериного стиля” [Канторович 2010, с. 198; 2012а, с. 209]<sup>12</sup>.

В целом же наиболее близкими стилистическими параллелями изображений данных грифонов являются изображения грифонов на золотых предметах из комплекса Зивийе – пекторали и двух пластин вытянуто-трапециевидной и подтреугольной формы (рис. 5, 4-6) [Kantor 1960, pl. 1; Helwing 2007, S. 231. Abb. 3]. Прежде всего, их сближают такие детали, как крючковатый клюв (приоткрытый у грифонов из Зивийе и Мельгунова и закрытый у

<sup>11</sup> Огромная благодарность заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири, д.и.н. А.Ю. Алексееву, любезно предоставившему нам фото из архива Государственного Эрмитажа.

<sup>12</sup> Еще один случай зооморфного превращения крыла фантастического существа – изображение на золотой бляшке из 4-го Семибратнего кургана [Артамонов 1966, табл. 121].

грифонов из Келермеса), специфический завиток на темени, прямой короткий гребень, идущий вдоль всей шеи, и чешуйчатый покров передней части туловища. У каждой серии изображений (Зивийе, Мельгунов, Келермес) есть свои особенности. К примеру, у мельгуновских монстров более сложная грива, дополненная спадающими вдоль шеи многочисленными локонами, оформленными в своеобразную прическу [Погребова 1948, с. 62], а также зубцами, выгравированными над гривой. Данные изображения, на наш взгляд, можно рассматривать как принадлежащие единой изобразительной традиции в рамках выделяемого саккызско-келермесского круга памятников [Погребова, Раевский 1992, с. 74-163]. Эта традиция, безусловно, основывается на образцах, заимствованных из переднеазиатского искусства [см. детальный анализ: Канторович 2010, с. 198-199; 2012а, с. 209-211], но ее формирование и реализация происходили в конкретной культурной ситуации, связанной, по всей видимости, с присутствием группы ираноязычных кочевников на территории современного Северо-Западного Ирана [Пиотровский 1944, с. 312; 1959, с. 252; Погребова 1948, с. 63].

Иных изображений грифона данного типа пока не известно. Но, в то же время, особенности их воспроизведения, на наш взгляд, сыграли определенную роль в становлении иконографического облика голов хищной птицы одного из стилистических типов, отличающихся круглым выступающим глазом и полуоткрытым клювом, в котором надклювье показано мощным и изогнутым, а подклювье – небольшим, иногда едва намеченным; при этом кончик надклювья может быть соединен с подклювьем рельефной линией (головы хищных птиц на золотых аппликациях серебряного блюда и на фрагменте золотой ленты из Зивийе, на лапах хищника на рукояти келермесской секиры, на костяном навершии лука из кург. 3 у с. Нижние Серогозы в Степном Поднепровье, серии бронзовых бутеролей, подобных найденной в Репяховатой Могиле в лесостепном Поднепровье [Полидович 2013б, с. 94; Полідович 2014, с. 66-67]<sup>13</sup>.

Второй тип изображений грифонов – *раннегреческий*. Изображения этого типа известны по находкам на памятниках второй половины VII в. н.э. [Погребова 1948, с. 63-66; Переводчикова 1994, с. 50; Канторович 2010, с. 198-205; 2012а, с. 211-221; др.]. Характерными признаками этого грифона являются: общая поджарость и легкость тела; раскрытый крючковатый клюв; торчащий язык, кончик которого часто показан загнутым вверх; длинные прямые уши; своеобразный воротник, оформленный в виде валика, гладкого или с рельефной разделкой поверхности; шишковидный выступ на голове; как правило, длинная шея; два локона, спускающиеся с затылка вдоль шеи (у некоторых); крылья, верхняя часть которых в большей или меньшей степени загнута вперед; львиный хвост с кисточкой, как правило закинутый на круп [Переводчикова 1994, с. 50]. Изображения таких грифонов известны как полнофигурные (на зеркале и ритоне из Келермесских курганов, пластинках из кургана Перепятыха) (рис. 5, 9-13), так и редуцированные – в виде протомы (Зивийе) или головы на длинной шее (диадема и навершия из Келермесских курганов) (рис. 5, 7, 17).

Именно этот тип грифона был воспринят скифской традицией. Показательными являются изображения на пластинках из кургана Перепятыха, где изображение на серебряной пластинке является оригинальным, возможно, импортным (рис. 5, 11), а изображения на золотых пластинах представляют подражания, сделанные уже местными мастерами (рис. 5, 12) [Скорый 1990, с. 38-42, фото 7-8].

Изображения обособленных голов грифонов, в той или иной степени стилизованных и отошедших от первоначального прототипа, довольно часто размещались на таких типично скифских предметах второй половины VII – начала VI вв. до н.э., как прорезные бронзовые навершия. Это изделия из кург. 3/Ш Келермесского мог-ка (рис. 5, 17), кург. 8 мог-ка Новозаведенное-II (рис. 5, 16), находок близ г. Майкопа (рис. 5, 14), кург. 1 у

<sup>13</sup> См. также серию подобных бутеролей из “Скифской коллекции Р. Зимовца”, поступившей в Археологический музей ИА НАНУ [Скорый, Зимовец 2014, с. 39-42].

хут. Говердовский (рис. 5, 15) [Ллинська 1963, рис. 2, 3; 3, 8, 14; Галанина 1997, табл. 6, 218; Переводчикова 1980; Канторович 2010, с. 201-202, 204, рис. 9; Эрлих, Нехаев 2011, рис. 4, 1-3; др.]. Своеобразное комбинированное существо, сочетающее черты барано-птицы и грифона, представлено на бронзовом навершии из 1-го Ульского кургана (раскопки 1908 г.) в Прикубанье (рис. 5, 18) [Шкурко 1982, с. 3; Переводчикова 1980, с. 86-87; Канторович 2012а, с. 234-237, рис. 20]. Типичными для этих изображений становятся такие признаки, как торчащие длинные уши и открытый клюв с изогнутым языком.

Таким образом, во второй половине VII в. до н.э. фактически сосуществовало две стилистические линии реализации образа грифона. Истоки обеих происходят из переднеазиатского искусства. Но если одна из них была выработана мастерами, которые, по всей видимости, работали в непосредственном контакте со скифами, то вторая была заимствована из восточногреческой архаической традиции и лишь затем была воспринята и переосмыслена скифами. Их сосуществование отмечается в комплексе Келермесских курганов. Каждая из них оказала свое специфическое влияние на скифский "звериный стиль". Но при этом изображения грифонов в эпоху архаики являлись довольно редкими. Если не брать во внимание сложные композиции на мельгуновском и келермесских предметах, то этот образ был связан почти исключительно с навершиями (исключение составляют лишь бляшки из Перепятихи).

В конце VI – V вв. до н.э. изображения грифонов по-прежнему были редкими. В этот период они были связаны преимущественно с предметами конской узда – псалиями, различными бляшками и небольшими фигурными наносниками (нахрапниками). В изображениях сохраняются черты грифона раннегреческого типа с большими ушами и открытым клювом с изогнутым языком.

В конце V – IV вв. до н.э. образ орлиноголового грифона становится очень популярным в западных регионах скифского мира, в ряде случаев вытесняя из употребления популярные ранее изображения кошачьих и волчьих хищников [Шкурко 1976, с. 99]. В данный период наиболее распространенными являются два типа изображения этого фантастического существа, имеющие как общие, так и отличные черты. Определяющим среди последних является особый тип крыла. Для одного из них характерны широкие птичьи крылья с угловатым изломом (их концы загибаются назад). Для другого – относительно узкие крылья, концы которых в большей или меньшей степени загибаются вперед (серповидные). Соответственно этому признаку предлагаем выделять типы грифонов с птичьими и серповидными крыльями.

Иконографический тип *грифона с птичьими крыльями* (его также часто обозначают как позднегреческий) являлся, вероятно, наиболее распространенным в конце V – IV вв. до н.э. Его отличительные признаки следующие: небольшая зверо-птичья голова с мощным загнутым клювом, остроконечными ушами, торчащими вверх; перепончатый с зубчатыми краями гребень, проходящий вдоль шеи; сильное мускулистое тело на сравнительно высоких когтистых лапах (как правило львиных, иногда – птичьих); большие широкие птичьи крылья и длинный львиный хвост [Переводчикова 1994, с. 51-52; Засецкая 2012, с. 354]. В этом образе очень органично соединились реальные анатомические элементы птицы (клюв, крылья, иногда ноги), хищного зверя (уши, глаза, туловище, ноги, хвост) и элементы либо рептилии (чешуя, перепончатый гребень), по А.Р. Канторовичу [2012а, с. 197], либо рыбы (зубцы в виде рыбьих плавников), по Г. Азарпей [Azarpay 1959]. Сочетание признаков очень органично, в связи с чем большое количество изображений выполнено очень реалистично (насколько это можно сказать об изображениях фантастического существа).

Этот образ грифона в греческом искусстве IV в. до н.э. приобрел устойчивые иконографические черты. Они хорошо известны по изображениям на греческих монетах, геммах и расписных вазах того времени. Такие грифоны представлены на многочисленных золотых и серебряных изделиях античных мастеров из греческих и скифских погребальных комплексов Северного Причерноморья, при этом довольно часто они изображались в сценах

борьбы, нападения или терзания, как это видим по изделиям из курганов Толстая Могила (пектораль, ножны меча), Чертомлык (амфора: рис. 6, 1, горит), Солоха (горит), Куль-Оба (ножны меча, браслеты, кубок) и многих других. Известно также большое количество различных бляшек (как правило золотых) с изображением фигуры грифона в стандартных позах: "стоящий" с приподнятой одной или двумя передними лапами и головой прямопоставленной, опущенной или повернутой назад; "лежащий" с прямопоставленной или повернутой назад головой (рис. 6, 3-7) [Гуляев 2005, илл. 18; Колтухов, Сенаторов 2014, рис. 4; Бидзиля, Полин 2012, рис. 225, 38, 40; Петренко 1967, табл. 18, 18; Грибкова 2012, рис. 1, 2; Болтрик и др. 1994, рис. 5]. Использовались и выразительные изображения голов или протом таких грифонов (рис. 6, 8) [Кубышев и др. 1982, рис. 11].

Кроме того, известны единичные и серийные изображения, отличающиеся определенным упрощением и стилизацией данного иконографического образа и представляющие его местную переработку.

Изображения грифонов с птичьими крыльями известны не только в Северном Причерноморье, но и на Алтае, прежде всего, в 1-м Пазырыкском кургане (рис. 6, 2) [Руденко 1953, рис. 163, табл. LXXVII, 1-2; СХІ]. Г. Азарпей было высказано предположение, что появление этого образа в пазырыкском искусстве было связано с греческим влиянием [Azagrau, 1959], что было критически воспринято М.И. Артамоновым [1973, с. 234-235]. По мнению исследователя, образ грифона проник на Алтай из ахеменидского искусства, а туда (именно данный иконографический тип) он мог быть привнесен греческими мастерами, которых персидские цари привлекали к строительству дворцов.

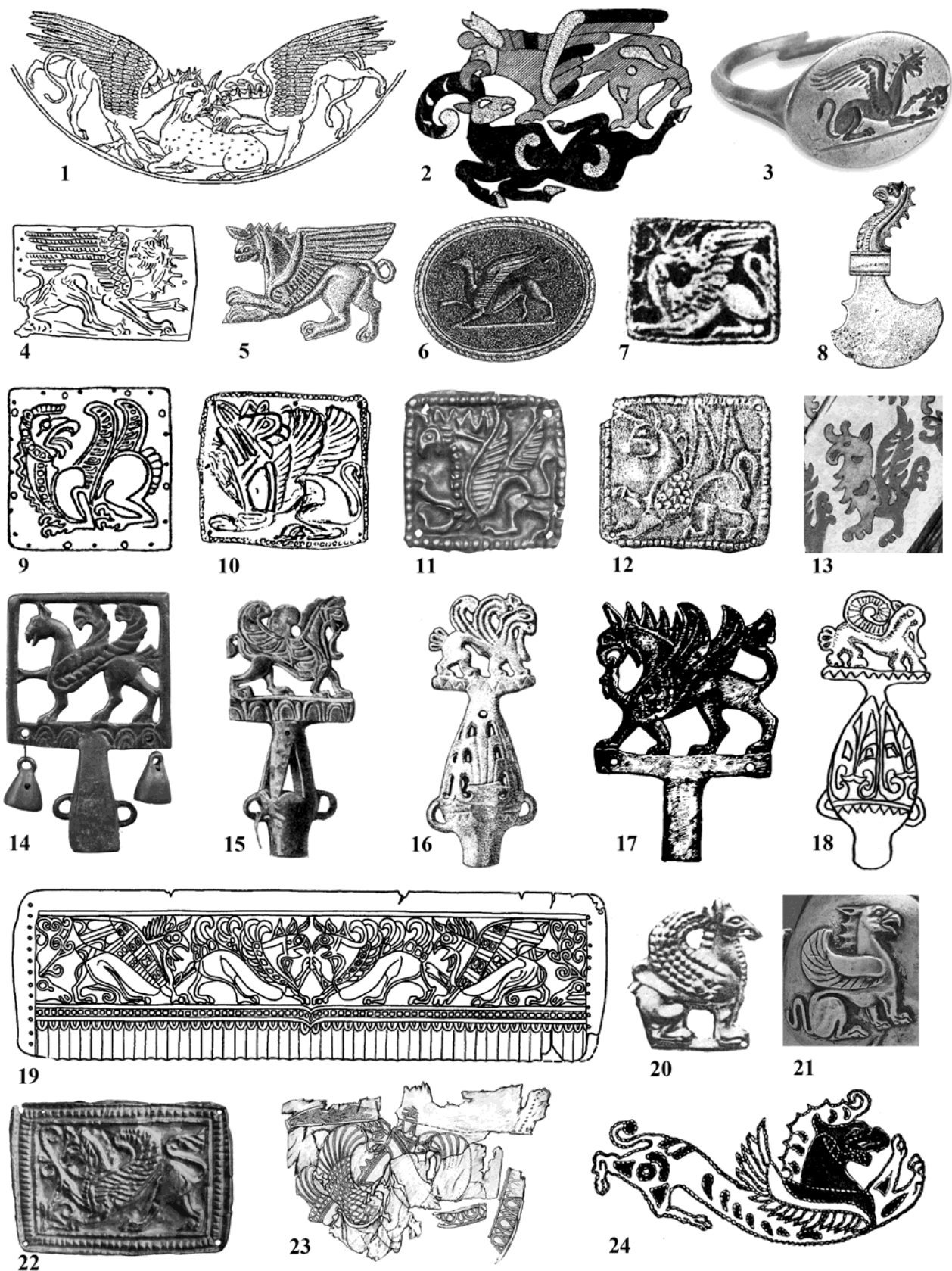
Изображения *грифонов с серповидными крыльями* существовали также в конце V – IV вв. до н.э. Согласно А.Р. Канторовичу, это изображения грифонов "ахеменидского типа в скифской стилистической переработке" [Канторович 2010, с. 192; 2012а, с. 200; см. также: Алексеев 2011, с. 60]. Однако отметим, что в их облике немало черт, которые были характерны для изображений грифонов, бытовавших как в скифской, так и греческой среде в предшествующие столетия [см., например: Скржинская 2010, с. 212]. Это говорит о более сложных путях формирования данного иконографического типа и, по всей видимости, об определяющем значении местных, северопричерноморских традиций в этом процессе.

Одним из наиболее ранних и показательных изображений данного типа можно считать изображения грифона на золотых накладных пластинах на деревянную чашу из комплекса первой половины V в. до н.э. кург. 12 у пгт Стеблев в лесостепном Приднепровье (рис. 6, 9) [Скорый 1997, с. 88, рис. 44, 2-4]<sup>14</sup>. Стеблевское изображение "открывает" целую серию изображений IV в. до н.э. с парными, не перекрывающимися друг друга серповидными крыльями: одно расположено над плечом, второе – над крупом ("раскрытые" крылья [Бессонова и др. 2014, с. 63.]). У грифонов с такими крыльями мог быть показан зубчатый гребень, как, например, на изображениях на бляшках из центральной могилы Бердянского кургана, юго-западной камеры центральной гробницы кургана Чертомлык и др. (рис. 6, 10-12, 14) [Фіалко 2001, с. 296, рис. 15; Алексеев и др. 1991, с. 171, кат. 78]. Некоторые изображения имеют и другие индивидуальные особенности (рис. 6, 15-19) [Древности 1866, табл. III-IV; Мелюкова 1981, с. 44-45, рис. 19; Мозолевский 1979, рис. 103; Клочко, Оленковский 1990; Ратнер, Костюк 1989, с. 52, рис. 3, 12; Бессонова и др. 2014, рис. 1; 2, 1].

Изображение грифона с парными серповидными крыльями известно и на Алтае, в кург. 10 мог-ка Берел (рис. 6, 13) [Самашев и др. 2010, с. 264-266, рис. 9, 2].

Другая серия представлена изображениями грифонов с совмещенными серповидными крыльями, т.е. полностью профильные, когда показано только одно крыло. Такие существа

<sup>14</sup> С.А. Скорый датировал комплекс по античным амфорам второй половиной V в. до н.э. С.Ю. Монахов предложил датировать комплекс 80-70 гг. V в. до н.э. [Монахов 1999, с. 97-101; 2003, с. 37].



**Рис. 6.** Полиморфные существа третьего уровня, грифоны: 1-8 – грифоны с птичьими крыльями: 1 – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Толстой, Кондаков 1889а]; 2 – 1-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]; 3 – кург. 8, группа Пять Братьев, Нижнее Подонье [по: Гуляев 2005]; 4 – кург. 1 из имени Пастака (Дорт-Оба), Крым [Колтухов, Сенаторов 2014, рис. 4]; 5, 6 – кург. Гайманова Могила, Северное Причерноморье [по: Бидзиля, Полин 2012]; 7 – кург. в ур. Дарьевка, лесостепное Поднепровье [по: Петренко 1967]; 8 – кург. 18 у с. Львово, Северное Причерноморье

[по: Кубышев и др. 1982]; *грифоны с серповидными крыльями*: **9** – кург. 12 у пгт Стеблев, лесостепное Поднепровье [по: Скорый 1997]; **10** – Бердянский кург., Северное Причерноморье [по: Фіалко 2001]; **11** – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Алексеев и др. 1991]; **12** – кург. Желтокаменка, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1982]; **13** – кург. 10, мог-к Берел, Горный Алтай [по: Самашев и др. 2010]; **14** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Древности 1866]; **15** – Краснокутский кург., Северное Причерноморье [по: Мелюкова 1981]; **16** – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; **17** – кург. возле с. Догмаровка, Северное Причерноморье [по: Ключко, Оленковский 1990]; **18** – Демьяновка, Северное Причерноморье [по: Ратнер, Костюк 1989]; **19** – кург. 1 у с. Нетеребка, лесостепное Поднепровье [по: Бессонова и др. 2014]; **20, 21** – кург. Куль-Оба, Крым [по: Копейкина 1986; Артамонов 1966]; **22** – кург. 8, группа Пять Братьев, Нижнее Подонье [по: Шилов 1962]; **23** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Алексеев 2011]; **24** – 2-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]

← **Fig. 6.** The polymorphic creatures of the third level group, griffins:  
**1-8** – griffins with bird's wings; **9-24** – griffins with sickle-shaped wings

воспроизведены на золотых бляшках из кургана Куль-Оба и на аналогичных им из собрания Одесского археологического музея, из 8-го Пятибратнего кургана на Нижнем Дону, Александропольского кургана и др. (рис. 6, 20, 22) [Копейкина 1986, рис. 20; 21; Островерхов, Охотников 1989, с. 60, рис. 3, 4; Шилов 1962, с. 63, рис. 9, 3; Древности 1866, табл. VIII, 18-19], на кожаном изделии из Александропольского кургана, на золотой ленте из Чертомлыка, на большой золотой пластине в виде оленя из кургана Куль-Оба и др. (рис. 6, 21, 23) [Алексеев 2011, с. 57, рис. 2, 1; Алексеев и др. 1991, с. 194, кат. 113; Артамонов 1966, табл. 264, 265; Фіалко 2001, рис. 14]. Такую же форму крыла имеют и некоторые орлиноголовые грифоны, изображенные на предметах из горноалтайских 2-го и 5-го Пазырыкских курганов (рис. 6, 24) [Руденко 1953, рис. 193, табл. СІХ, 2].

Отметим, что серповидную форму крыла имеет и ряд других фантастических существ, в частности, крылатые и крылатые-рогатые хищники, а также сфинксы. Именно с такой формой крыльев были изображены такие миксаморфные существа, как змееногая богиня, персонаж из Соболевой Могилы и другие.

Разница между двумя типами грифонов – с птичьими и серповидными крыльями – была четко осознаваемая в скифское время, свидетельством чего является сочетание изображений разнотипных грифонов на золотой пластине из кург. 1 у с. Нетеребка (рис. 6, 19) [Бессонова и др. 2014, с. 68]. Не исключено, что за разницей в форме крыльев стоит различное восприятие этих существ и семантического наполнения их образов. Так, исследователи отмечают, что грифоны, присутствующие в сценах нападения или терзания, почти всегда имеют крылья, направленные назад. Тогда как грифоны и другие фантастические существа, имеющие серповидные крылья, как правило, изображались в статичных позах и в сценах без явных агрессивных сюжетов [Алексеев 2011, с. 61; Бессонова и др. 2014, с. 69]. Эта же особенность характерна и для грифонов этих типов, изображения которых были распространены в восточных регионах скифского мира, в частности в Пазырыкских курганах на Горном Алтае [Алексеев 2011, с. 61, рис. 3]. Также, если все грифоны с птичьими крыльями изображались с традиционным “львиным” хвостом, то часть грифонов с серповидными крыльями была показана со своеобразными хвостами, как правило, имеющих трехчастную структуру (рис. 6, 9, 14, 16, 18), что также было характерно и для алтайских грифонов (рис. 6, 13).

В целом же варианты воплощения орлиноголовых грифонов в V – IV вв. до н.э. не исчерпываются обозначенными типами. Но это были, как правило, единичные изображения, часто отличающиеся значительной стилизацией и обобщенностью образа, как, например, изображение из кург. 19 у ст. Воронежской в Прикубанье [Переводчикова 1987, с. 49, рис. 3, 11]. Между собой они различались также сочетаниями устойчивых признаков или появлением новых. В некоторых случаях для появления особого типа изображений грифонов имели значение их размеры. К примеру, относительно устойчивую серию образуют небольшие изображения существ (с невыразительной головой, стилизованными крыльями и

гребнем (хвостом?) над крупом), которых также трактуют как грифонов. Она была распространена в пределах лесостепного и степного Причерноморья в конце V – первой четверти IV вв. до н.э. [Бабенко 2012, с. 105-116].

В отдельные группы можно выделить изображения грифонов с рогами (оленьими или козлиными) и существ, сочетающих в себе части или признаки грифона и какого-то иного животного (быка, коня, хищника, птицы).

#### Грифон с оленьими рогами

Изображения данных существ были характерны только для западных регионов скифского мира, в отличие от клювоголовых оленей (которые будут рассмотрены ниже), распространенных только в восточных регионах. На золотой пластинке из кург. 33 у с. Бобрица в лесостепном Поднепровье (рис. 7, 1) [Петренко 1967, табл. 16, 2] изображен грифон с подогнутыми львиными лапами, приподнятым крупом, повернутой назад головой на длинной шее и схематичным крылом. У него большой круглый глаз, раскрытый клюв с высунутым зыком, а также ухо и небольшие рога оленя [Петренко 1967, с. 93]. Подобное существо изображено и на золотых бляшках IV в. до н.э. из кург. 4 у с. Новоселки в лесостепном Поднепровье (рис. 7, 2) [Грибкова 2011, с. 68, рис. 1, 13].

Из Семибратних курганов V в. до н.э. и находок на Таманском п-ве происходят наносники от конской узды в виде протомы существа с головой и клювом хищной птицы, рогами и ухом оленя, и лапами хищного зверя (рис. 7, 3) [Толстой, Кондаков 1889а, с. 48, рис. 59; Leskov 2008, cat. 246]. Более стилизованные наносники (нахрапники), воплощавшие подобный образ, происходят из таких курганов IV в. до н.э., как Чертомлык [Алексеев и др. 1991, рис. 55; 56, 5], Бабина Могила [Мозолевский, Полин 2005, рис. 53], Гайманова Могила (рис. 7, 4) [Бидзиля, Полин 2012, с. 101, 407, рис. 130, 4; 568], погр. 3 кург. 2 у пос. Петровка [Братченко и др. 1989, рис. 3, 8] и кург. 26 в группе Колбино-I на Среднем Дону [Шевченко 2009, с. 39, рис. 28, 7, 8, 13], а также из собраний Museum für Vor- und Frühgeschichte (Берлин) [Leskov 2008, cat. 298] и “скифской коллекции Р. Зимовца” в Археологическом музее ИА НАНУ (Киев) [Скорый, Зимовец 2014, с. 66, кат. 235; с. 78, кат. 268]<sup>15</sup>. Возможно, к категории данных существ можно отнести и то, чья голова с птичьим клювом и рогами в виде двух симметрично расположенных отростков рогов (в том числе в виде птичьих головок) изображена на бронзовых наносниках из насыпи кургана Чертомлык [Алексеев и др. 1991, рис. 55; 56, 5, кат. 17], кург. 206 у г. Шпола и кург. у с. Кошеватое в Приднепровской Лесостепи [Могилов 2008, рис. 167, 11-13], ритуального комплекса 1 кург. 8 возле аула Уляп в Прикубанье [Канторович, Эрлих 2006, с. 124, 185, кат. 74], погр. 3 кург. 2 у пос. Петровка в Подонцовье [Братченко и др. 1989, рис. 3, 11] и “скифской коллекции Р. Зимовца” [Скорый, Зимовец 2014, с. 77, 78, кат. 266, 267].

#### Грифон с козлиными рогами

Это различные изображения существ, имеющих черты грифона и, в тоже время, наделенных “козлиными” рогами.

Фигурка-штангарт из кург. 11 мог-ка Берел представляет фигурку орлиноголового грифона с загнутыми назад рогами, концы которых спирально закручены (рис. 7, 5) [Самашев 2011, рис. 19; 116]. Аналогичное существо воспроизведено на ахеменидских ювелирных изделиях – браслетах из Амударьинского клада [Артамонов 1973, с. 15, илл. 6] и серебряном ритоне из Британского музея [Руденко 1968, илл. 97]. Голова такого существа размещена на конце псаля из 5-го Пазырыкского кургана (рис. 7, 6) [Руденко 1953, табл.

<sup>15</sup> По мнению С.В. Полина, данная серия изображений представляет орлиноголового грифона с зубчатым гребнем [Бидзиля, Полин 2012, с. 407, 408]. Но срав. их с изображениями грифонов с подобными рогами-гребнем на псалях из горноалтайского кург. 11 мог-ка Берел [Самашев 2011, рис. 392], откуда также происходят изображения лосей с аналогичной формой рогов [Самашев 2011, рис. 367; 370-373]. По мнению С.А. Скорого и Р.В. Зимовца, это изображение орлиноголового ушастого грифона с петушиным гребнем [Скорый, Зимовец 2014, с. 66].

LXVIII, 1], а также на перекрестии кинжала из Филипповского кург. 1 [Пшеничнюк 2012, рис. 27].



**Рис. 7.** Полиморфные существа третьего уровня: 1 – кург. 33 у с. Бобрица, лесостепное Поднепровье [по: Петренко 1967]; 2 – кург. 4 у с. Новоселки, лесостепное Поднепровье [по: Грибкова 2011]; 3 – Семибратние курганы, Прикубанье [по: Толстой, Кондаков 1889а]; 4 – кург. Гайманова Могила, Северное Причерноморье [по: Бидзиля, Полин 2012]; 5 – кург. 11, мог-к Берел, Горный Алтай [по: Самашев 2011]; 6 – 5-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]; 7 – кург. 3, мог-к Бесоба у пос. Жиренкопа, Южное Приуралье [по: Бисембаев и др. 2011]; 8 – кург. 1 (1905 г.) у с. Мастюгино, Средний Дон [по: Манцевич 1973]; 9 – кург. М012, мог-к Дунхэйгоу, Синьцзян [по: Шульга 2010]; 10 – кург. 6 у с. Водославка, Северное Причерноморье [по: Ліфантій 2015]; 11 – ст. Елизаветинская, Прикубанье [по: Переводчикова 1984]; 12 – кург. Старшая Могила у с. Аксютинцы, лесостепное Поднепровье [по: Ильинская 1968]; 13 – кург. 2 (1883-1885 гг.) у с. Аксютинцы, лесостепное Поднепровье [по: Ильинская 1968]; 14 – кург. Гайманова Могила, Северное Причерноморье [по: Бидзиля, Полин 2012]; 15 – кург. Солоха, Северное Причерноморье [по: Манцевич 1987]; 16 – 4-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]; 17 – кург. Кутургунтас, Горный Алтай [по: Полосьмак 1992]; 18 – Большой Берельский кург., Алтай [по:



Сорокин 1969]; **19** – кург. 1 мог-ка Ак-Алаха 3, Горный Алтай [по: Полосьмак 2001]; **20** – кург. 8, мог-к Берел, Горный Алтай [по: Самашев и др. 2011]; **21** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Алексеев 2011]; **22** – кург. Соболева Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский, Полин 2005]; **23-24** – кург. 21 у с. Каменка, Северное Причерноморье [по: Клочко, Гребенников 1982]; **25** – кург. 16, мог-к Новозаведенное-II, Северный Кавказ [по: Канторович 2011]; **26** – кург. Старшая Могила, лесостепное Поднепровье [по: Канторович, 2011]; **27** – с. Ртищево, Нижнее Поволжье [по: Смирнов 1964]; **28** – мог-к Мажалык-Ховузу-I, Тыва [по: Грач 1980]; **29** – 2-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]; **30** – погр. М2, мог-к Сигоупань, Внутренняя Монголия [по: Ковалев 1999]; **31** – кург. 1 у с. Новый Кумак, Южное Приуралье [по: Влияния ахеменидской культуры 2012]

← **Fig. 7.** The polymorphic creatures of the third level group

На бронзовой уздечной бляшке V в. до н.э. из кург. 3 мог-ка Бесоба у пос. Жиренкопа в Южном Приуралье изображена голова птицы с длинным слабоизогнутым клювом и находящимся за головой рогом, загнутым в кольцо (рис. 7, 7) [Бисембаев и др. 2011, с. 215, рис. 4, 11].

*Уникальное существо* воспроизведено на золотых бляшках из кург. 1 (1905 г.) у с. Мастюгино на Среднем Дону (рис. 7, 8) [Манцевич 1973, рис. 1, 7]. Оно имеет львиное тело, большой зубчатый гребень, расположенный вдоль шеи, торчащее ухо и длинный рог, изгибающийся над головой и заканчивающийся головкой птицы (такой рог характерен для изображений лосе-козлов V в. до н.э., о которых речь шла выше).

На двух подпрямоугольных пластинках из золотой фольги из кург. М012 мог-ка Дунхэйгоу в Синьцзяне, вероятно, датирующихся IV – III вв. до н.э. (рис. 7, 9) [Шульга 2010, с. 64-65, рис. 1, 15, 16], изображены редуцированные голов существ, имеющие клюв, воротничок и подобный же длинный рог, направленный вперед и образующий петельку на конце.

Грифоно-бык

Существо, сочетающее туловище грифона (с львиными лапами и крыльями) и голову быка, которая воспроизведена полувернутой анфас, изображено на золотых пластинах от головного убора, происходящих из кург. 22 Красноперекопских курганов и кург. 6 у с. Водославка (рис. 7, 10) [Лесков 1981, рис. 30; Лифантій 2015, рис. 1, 3].

Грифоно-конь

Уникальное существо представлено на конском бронзовом налобнике из ст. Елизаветинской в Прикубанье, состоящем из скульптурной головки грифона с орлиным клювом и зубчатым гребнем вдоль шеи и ажурной гравированной пластины, где в нижней части представлено туловище и ноги с копытами, а в верхней – стилизованные крылья (?) (рис. 7, 11) [Переводчикова 1984, с. 12, рис. 5, 1].

Грифоно-хищник

Ряд существ, воплощенных в фигурках на конских наносниках / нахрапниках, совмещают образы хищника и орлиноголового грифона. При этом, грифонными являются "вторичные" признаки – длинные торчащие уши, гребень. Поскольку это изображения только голов или протом этих существ, их крылатость можно только предполагать, исходя из общего контекста.

Для V в. до н.э. это изделия из курганов у с. Аксютинцы (ур. Стайкин Верх) в лесостепном Поднепровье: из кург. Старшая Могила [Ильинская 1968, табл. V, 5], где представлено животное с условно-хищной мордой, круглым глазом, длинным остроконечным ухом и небольшим "петушиным" гребешком на голове (рис. 7, 12); из кург. 2 (1883-1885 гг.) [Ильинская 1968, табл. XVI, 7] – с раскрытой пастью с клыками в виде перекладинки, круглым глазом, длинными остроконечными ушами, гребешком на голове и шее (рис. 7, 13).

Для IV в. до н.э. это изделия из курганов Солоха [Манцевич 1987, с. 107, 108, кат. 90; с. 112-114, кат. 119] и Гайманова Могила<sup>16</sup> [Бидзиля, Полин 2012, с. 145, рис. 209, 1; 677; 678], где представлено похожее существо с оскаленной хищной пастью, складками на носу, остроконечными ушами, зубчатым гребнем и массивными лапами (в одном случае) или без лап (во втором) (рис. 7, 14). На уникальном бронзовом, плакированном золотом, наноснике из кургана Солоха воспроизведено существо, имеющее морду хищного зверя, круглый глаз и длинные остроконечные уши, заканчивающиеся шариками (рис. 7, 15) [Манцевич 1987, с. 112, 113, кат. 118]. А на конском навершии из горноалатайского 4-го Пазырыкского кургана представлена голова хищного животного с оскаленной пастью, вздернутой верхней губой, медвежьим (?) носом, торчащими ушами и хохолком (рис. 7, 16) [Руденко 1953, табл. LXV, 2-3].

Известны и несколько полнофигурных изображений, совмещающих в себе черты хищного животного и грифона. Так, из кург. 21 у с. Каменка в Северном Причерноморье происходит изображение фантастического существа, воспроизведенного на части ажурных пластин от головного убора. У него голова хищного зверя с зубчатым гребнем, торчащим ухом, миндалевидным глазом и бородкой, львиное тело, серповидные крылья и крыловидный хвост (рис. 7, 24) [Клочко, Гребенников 1982, рис. 3; Бессонова и др. 2014, с. 74, рис. 11, 1]. На других пластинах от этого же головного убора из кург. 21 у с. Каменка хищное существо отличается прямым гребнем, круглым глазом, антропоморфизированной мордой и более длинной “козлиной” бородкой (рис. 7, 23) [Клочко, Гребенников 1982, рис. 3; Бессонова и др. 2014, с. 74, рис. 11, 2]. Во многом близкие ему персонажи известны по находкам в Александропольском кургане и Соболевой Могиле. Из Александропольского кургана происходит кожаное изделие, на одной из сторон которого изображено крылатое хищное существо с телом и лапами льва, головой хищного зверя с круглым глазом, широким остроконечным ухом и зубастой пастью, из которой высовывается длинный тонкий язык с кружком на конце, коротким прямым гребнем на голове и шее, длинной бородой, мощными серповидными крыльями и пышным крыловидным хвостом (рис. 7, 21) [Алексеев 2011, с. 57-58, рис. 1, 2]. Подобные существа изображены и на ажурных пластинах покрытия горита из кургана Соболева Могила: у них в пасти изображены только клыки, головы увенчаны спирально загнутыми вперед рогами и прямым гребнем, крылья сдвоенные, второе крыло возвышается над крупом (рис. 7, 22) [Мозолевский, Полин 2005, с. 177-178, табл. 16; 17, 1].

#### Птице-грифон

Среди изображений из восточных регионов скифского мира выделяется специфический образ птицы с ушами, хохолком и гребнем, т.е. элементами, которые скорее характеризуют грифонов.

Согласно классификации П.И. Шульги, это группа V – III вв. до н.э., представленная изображениями “орлов-грифонов” с ухом, гребешком или хохолком [Шульга 2003, с. 254, рис. 1, 33]. Подобные изображения, в первую очередь, характерны для памятников Горного Алтая (рис. 7, 17, 18) [Руденко 1953, табл. XXIII, 3; XXXIII, 1, 4; XXXVIII, 1-2; LXXIX, 3-4; LXXXIV, 4-5; Сорокин 1969; Полосьмак 1992, рис. 3; 4; 1994, рис. 52-53; 58-63; 111; 2001, рис. 26-28; 59-61; 65; 82; 149; Самашев и др. 2010, с. 266, рис. 9, 3; Самашев 2011, рис. 11; 117-118; 346-347; др.].

В единичных случаях изображалось существо с головой и шеей грифона (голова хищной птицы с длинными ушами и зубчатым гребнем на голове и шее) и туловищем птицы, как, например, на деревянном налобнике из к. 1 мог-ка Ак-Алаха 3 (рис. 7, 19) [Полосьмак, 2001, с. 85, рис. 60] и золотом “эгрете” хунно-сарматского времени из Сибирской коллекции Петра I [Руденко 1962, табл. XIX, 1-2; Королькова 2011а]. Во втором случае такое существо изображено с телом анфас и фигурной головой (в сцене когтения горного козла).

<sup>16</sup> По мнению С.В. Полина, здесь воспроизведена “голова козлиноголового грифона” [Бидзиля, Полин 2012, с. 461].

В связи с подобной иконографией фантастических птиц можно предположить, что изображения птиц, которых исследователи обычно обозначают как петухов (рис. 7, 20) [Руденко 1953, рис. 17; 44; 71; табл. XXVI, 1, 3, 4; Кубарев, Шульга 2007, с. 129-130], в древности могли восприниматься и как изображения некоего мифического существа, близкого к птице-грифону (ср. с наиболее близкими к иконографии грифонов изображениями из кург. Кутургунтас (рис. 7, 17), а также кург. 11 и 36 мог-ка Берел в Горном Алтае [Полосьмак 1994, рис. 101; 2001, рис. 131; Самашев 2011, с. 37, 155, 171, рис. 51; 390]). Впрочем, В.Д. Кубарев и П.И. Шульга четко разделили изображения петухов, грифонов и грифонов-фениксов, считая, что первые могли попасть в районы Саяно-Алтая из бактрийских мастерских [Кубарев, Шульга 2007, с. 130].

Кроме представленных разновидностей к иным полиморфным существам, сочетающим в своем облике черты птицы и зверя, относят различные **рогатые существа с птичьей головой**.

Барано-птица (грифо-баран, барано-грифон, рогатый грифон, рогатая птица) – фантастическое существо, сочетающее в себе черты хищной птицы и барана [Ильинская 1965, с. 99-102; Артамонов 1968, с. 35; Шкурко 1976, с. 91; Курочкин 1992; Погребова, Раевский 1992, с. 128-134; Переводчикова 1994, с. 54; Рябкова 2005, с. 46, 47, 55-57, табл. 1-3; Королькова 2006, с. 65-69; Могилев, Гуцал 2008; Канторович 2006; 2007; 2010, с. 210-217; 2012а, с. 228-238; 2012б; Раевский и др. 2013, с. 98-104; др.]. Изображалась всегда только голова с массивным загнутым клювом и, как правило, круглым глазом, вокруг которого полукольцом закручиваются бараньи рога (рис. 7, 25-27). Определенным намеком на полнофигурное изображение могут быть псалии, верхний конец которых оформлен в виде головы барано-птицы, а нижний – в виде копыта. По предположению М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского [1992, с. 131-132], такое сочетание неслучайно: оно указывает, что изначально в качестве изображаемого существа выступало травоядное животное и, прежде всего, баран. Образ барано-птицы существовал короткий период (вторую половину VII – первую половину VI вв. до н.э.) на территории только западных регионов скифского мира. Крайними восточными находками являются два псалия, увенчанные изображениями голов этих существ, из случайных находок у с. Ртищево в Нижнем Поволжье и у с. Рысайкино в Южном Приуралье (рис. 7, 27) [Смирнов 1964, с. 216-217; Чежина 1987; 1989; Королькова 2006, с. 65-66]. Данный образ является собственно скифским, не имеет никаких аналогов в искусстве Древнего Востока или Греции. Он “чужд восточному искусству не только по сюжету, но в ещё большей степени по особенностям изображения. Он воплощает совершенно иную идею и состояние, нежели восточный грифон” [Ильинская 1965, с. 100]. Считается, что исходным центром распространения образа барано-птицы был Северный Кавказ, тогда как Северное Причерноморье и Передняя Азия были в этом отношении периферией [Канторович 2007, с. 240–243; 2012а, с. 233].

Своеобразное комбинированное *существо, сочетающее черты барано-птицы и грифона*, представлено на бронзовом навершии из 1-го Ульского кургана (раскопки 1908 г.) в Прикубанье (рис. 5, 18) [Шкурко 1982, с. 3; Переводчикова 1980, с. 86-87; Канторович 2012а, с. 234-237, рис. 20]<sup>17</sup>.

Клювоголовый олень (копытный грифон [Шульга 2010, с. 66-67, 71], конь-грифон / конегрифон / грифон-конь [Полосьмак 1994, с. 9; Ковалев 1999, с. 80; Черемисин 2008б, с. 104], таранд/тарандр [Руденко 1960, с. 302; Клейн 1976, с. 229; Завитухина 1998, с. 146; Богданов 2006, с. 65], клювоголовый олень или конь [Черемисин 2008б]).

Тело данного существа на изображениях из Алтая и Тувы обычно похоже на тело оленя или коня. Почти всегда воспроизводятся копыта, длинный хвост кошачьего хищника, круто загнутый клюв и ветвистые оленьи рога, как правило, заканчивающиеся головками грифонов. На конце хвоста и гривы также могла помещаться головка грифона. У многих

<sup>17</sup> См. также бронзовое навершие, происходящее якобы из Белогорского р-на Крыма [Скорый, Зимовец 2014, с. 129, с.130, фото].

существ ниже основных ветвистых рогов оленя намечены или реалистично изображены рога горного козла [Шульга 2010, с. 67]. Очевидно, что в данном образе сочетались черты нескольких существ. Так, в отношении существа из Мажалык-Ховузу-1 (Тува) (рис. 7, 28) А.Д. Грач писал: “Фигура совмещает черты пяти животных – голова грифа, тело копытного (круп вывернут вверх), хвост кошачьего хищника, один рог горного козла, другой маралий” [Грач 1980, с. 79]. Стабильно повторяющееся сочетание признаков травоядного животного и фантастических существ, в которых преобладают черты грифона, по мнению Д.В. Черемисина, говорит о сложившейся иконографии образа. Однако помимо почти полного иконографического сходства всех изображений существенны и различия, в частности в изображении хвостов [Черемисин 2008б, с. 99].

Изображения подобных “копытных грифонов” известны на Алтае (Пазырык, Катанда, Укок), в Туве (Мажалык-Ховузу-1), Монголии и в Северном Китае (рис. 7, 28-30) [Грач 1980, с. 79, рис. 113, 1; Bunker 1992, p. 104, fig. 9; 17, 1, 3; Bunker et al 2002, fig. 48-49; cat. 99; Полосьмак 1994, с. 9-10, рис. 1; Ковалев 1999, с. 80, рис. 2, 1-3; Баркова, Панкова 2005, с. 50, рис. 2, 1; Богданов 2006, табл. XL, 3, 5; LIV, 1, 3, 4; Шульга 2010, с. 66; др.]. Единичные находки происходят из Томского Приобья [Плетнева 2012, с. 112, кат. 68; с. 118, кат. 72].

На Алтае почти все изображения данного существа представлены в татуировках на четырех мумиях (рис. 7, 29) (за исключением деревянной бляхи из Катандинского кургана [Руденко 1953, табл. LXXXII, 4]). При этом большинство татуированных изображений этого персонажа находятся на плечах и руках пазырыкцев<sup>18</sup> [Черемисин 2008б, с. 99], что, по всей видимости, говорит об особой сакральности, которой были наделены эти изображения в Горном Алтае [Шульга 2010, с. 66]. На территории Северного Китая, Монголии и Забайкалья копытные грифоны известны только в металле и по большей части относятся к украшениям пояса. В целом они подобны алтайским. Представлены одиночные изображения, геральдически противопоставленные, а также в сценах терзания. При том, что данное существо имеет голову грифона (хищной птицы), в сценах терзания именно оно является жертвой, что можно считать отражением определенных мифологем с его участием [Черемисин 2008б, с. 99].

По мнению ряда исследователей, это существо представляет образ мифологического таранда (в римской версии – тарандра), близкого к описанию древних авторов [Сосновский 1935; Руденко 1960, с. 302; Клейн 1976, с. 229; Завитухина 1998, с. 146; Богданов 2006, с. 65]. Из наиболее древних известий о таранде следует назвать сочинение “О чудесных слухах” (гл. 30), приписываемое Аристотелю (Ps.-Aristot., De mir ausc., 30), и труд Феофраста “De sudore” (Theophr., de sudore, fr. 172). Из более поздних авторов тарандра описывает Элиан (Ael., De nat. anim., I, 7; II, 16). Согласно Плинию Старшему (LII.124), “он величиной с быка, голова его больше оленьей, но похожа на нее, рога ветвистые, копыта двойные, шерсть длиной с медвежью, но цветом похожа на ослиную, если животное сохраняет свой естественный цвет. Кожа так тверда, что из нее делают панцири. Будучи испугано, животное принимает цвет всех деревьев, кустов, цветов и вообще всех мест, в которых прячется, и потому ловится редко”.

Однако, как отметила М.П. Завитухина, не исключено, что в сведениях античных авторов говорится о северном олене, сезонная смена окраски которого также поразительна: от бурого летом до бело-голубой зимы. Это дало повод Карлу Линнею в своей классификации середины XVIII в. назвать северного оленя именно тарандом [Завитухина 1998, с. 146]. К тому же, в описании тарандов, данных античными авторами, отсутствуют птичьи и фантастические черты, что в данном случае не позволяет нам соотнести эти два образа.

#### Клювоголовый козел

<sup>18</sup> Исключение – недавно распознанное изображение на теле мужчины из 2-го Пазырыкского кургана, располагавшееся, по всей видимости, на левой ноге [Баркова 2014].

На окончаниях золотых браслетов из кург. 1 у с. Новый Кумак в Южном Приуралье воспроизведены фигурки козлов с повернутой анфас головой, подогнутой передней ногой и вытянутой задней. Их морды имеют форму клюва, что придает животным фантастический вид (рис. 7, 31) [Влияния ахеменидской культуры 2012, рис. 67].

### **Крылатые существа**

Отдельная группа изображений – *крылатые копытные*. Это, как правило, единичные изображения, не образующие какой-либо компактной группы во времени или пространстве.

#### Крылатый конь

В изображениях крылатых коней, бытовавших в IV в. до н.э. в Северном Причерноморье, видят изображения Пегаса – образ, пришедший из античной мифологии [Артамонов 1966, с. 65, 72]. Л.В. Копейкина отметила достаточно редкое распространение изображений крылатого коня в скифской среде, что, по ее мнению, говорит о его появлении под влиянием античной традиции, в частности, мифа о Белерофонте и Пегасе, ставшем довольно популярным в IV в. до н.э. [Копейкина 1986, с. 37; см. также: Скржинская 2010, с. 222-223]. Вместе с тем, у нас есть все основания говорить о местной основе культа крылатого коня и, соответственно, о востребованности его иконографического воплощения.

Образ коня в мифологической и изобразительной традиции евразийских ираноязычных народов имеет древнее происхождение и был распространен также и в скифское время [Кузьмина 1976, с. 71-72; 1977, с. 100-102; Бессонова 1983, с. 51; 2004, с. 25-26]. Примером тому является, в первую очередь, серебряная с позолотой амфора из Чертомлыка, в нижней части тулова которой расположены три краника, из которых центральный трактован в виде скульптурной головы коня в окружении своеобразного воротника-гребня<sup>19</sup> и распростертых крыльев (рис. 8, 1) [Толстой, Кондаков 1889б, рис. 115; Артамонов 1966, табл. 162; Piotrovsky et al 1986, pl. 266; Алексеев 2012, с. 195, фото]. Е.Е. Кузьмина, исследуя семантику декора амфоры, отметила, что образ крылатого коня в равной степени характерен как для мифологии греков, так и для мифологии скифов, но обратила внимание, что весь декор амфоры связан с конем и является выражением мифо-ритуального значения этого животного в скифской культуре [Кузьмина 1976]. В частности, изображение крылатого коня на амфоре исследователи связывают с образом скифского божества Тагимасада [Раевский 1971, с. 272-273; Мачинский 1978, с. 238-239; Бессонова 1983, с. 51-52; 2004, с. 25; др.]. На золотой бляшке из кургана у с. Великая Белозерка изображен герой верхом на крылатом коне [Бессонова 2004, с. 26], а в позднескифском склепе № 1 некрополя Неаполя Скифского воспроизведено божество с лучистым ореолом вокруг головы и с предстоящим крылатым конем [Шульц 1957, с. 15], что также соответствует контексту именно скифской ритуально-мифологической традиции [Раевский 1977, с. 152].

Кроме того, в Причерноморском регионе изображения крылатого коня происходят только из комплексов, территориально и культурно близких к Боспору [Бессонова 2004, с. 25-26]. Этот образ представлен на четырехугольных золотых бляшках из кургана Куль-Оба (рис. 8, 2) [Артамонов 1966, табл. 252; Piotrovsky et al 1986, pl. 204; Копейкина 1986, с. 37-38, кат. 1-2]. В одном из погребений в кургане Большая Близница найдены 20 золотых бляшек с изображением передней части туловища Пегаса [Артамонов 1966, с. 72]. Также протомы крылатого коня украшает серебрянный ритон из ритуального комплекса кург. 4 у аула Уляп в Прикубанье (рис. 8, 3) [Шедевры 1987, с. 105, кат. 101, табл. XIII]. Из кургана Куль-Оба происходит пара золотых височных подвесок в виде диска с рельефным изображением головы Афины в шлеме, богато украшенном фигурками различных существ, в том числе двух крылатых коней [Толстой, Кондаков 1889б, с. 86; рис. 65; Артамонов 1966, рис. 214-

<sup>19</sup> Некоторые исследователи видят в этом гребне признак морского существа (например: [Шауб, 2011, с. 134]), а само изображение трактуют как образ крылатого водяного коня [Раевский 1971, с. 272-273; Мачинский 1978, с. 238-239; Бессонова 2004, с. 134].

215; Piotrovsky et al 1986, pl. 134]. Из Пантикапея происходит золотая сережка с фигуркой Пегаса и розеткой [Williams, Ogden 1994, p. 161, Kat. 101].



**Рис. 8.** Полиморфные существа третьего уровня, крылатые существа: **1** – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Толстой, Кондаков 1889б]; **2** – кург. Куль-Оба, Крым [по: Piotrovsky et al 1986]; **3** – кург. 4 у а. Уляп, Прикубанье [по: Шедевры 1987]; **4** – 4-й Семибратний кург., Прикубанье [по: Толстой, Кондаков 1889а]; **5** – кург. 10 мог-ка Берел, Горный Алтай [по: Самашев и др. 2010]; **6** – Семиречье, Восточный Казахстан [по: Самашев и др. 2005]; **7** – кург. Иссык, Семиречье [по: Акишев 1983]; **8** – 1-й Филипповский кург., боковое погр., Южное Приуралье [по: Яблонский 2014]; **9** – кург. 11, мог-к Берел, Горный Алтай [по: Самашев 2011]; **10** – кург. у с. Волковцы (?), лесостепное Поднепровье (фото автора); **11** – кург. Иссык, Семиречье [по: Акишев 1978]; **12** – Монголия [по: Королькова 2015]; **13** – 2-й Семибратний кург., Прикубанье [по: Piotrovsky et al 1986]; **14** – кург. Куль-Оба, Крым [по: Артамонов 1966]; **15** – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; **16** – кург. 1/Ш, Келермесский мог-к, Прикубанье [по: Piotrovsky et al 1986]; **17** – Краснодарский музей, Прикубанье [Переводчикова 1987]; **18** – кург. 17 некрополя Нимфея, Прикубанье [по: Артамонов 1966]; **19** – 2-й Семибратний кург., Прикубанье [по: Толстой, Кондаков, 1889б]; **20** – кург. Ташенак, Северное Причерноморье

[по: Болтрик, Фіалко 1991]; **21** – кург. 12, мог-к Уландрык I, Горный Алтай [по: Кубарев 1987]; **22** – 2-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1953]; **23** – кург. Иссык, Семиречье [по: Акишев 1978]; **24** – 1-й Туэктинский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1960]

← **Fig. 8.** The polymorphic creatures of the third level group: the winged creatures

В восточных регионах находки изображений крылатых коней также немногочисленны. Из горноалтайского мог-ка Уландрык происходит деревянная фигурка коня, на спине которого сделаны вырезы для вставных крыльев (его рот при этом был окрашен красной краской) [Кубарев 1987, с. 108]. Известна серия поясных пластин из Ордоса времени хунну, на щитке которых изображен крылатый конь [Дэвлет 1980, рис. 5, 3]. Изображения крылатых коней встречаются в петроглифах Центральной Азии, Алтая и Минусинской котловины [Кубарев 1991, с. 146]. От других петроглифов они отличаются тщательной проработкой деталей и наличием крыльев в виде вертикальных выступов на спине.

#### Крылатый козел

Крылатый козлик с небольшими рогами, направленными вперед, был воспроизведен на золотой пекторали из комплекса Зивийе в Северо-Западном Иране, который в той или иной степени соотносят со скифскими древностями [Луконин 1977, фото на с. 21].

Из 4-го Семибратнего кургана происходит серебряный ритон, нижняя часть которого представляет собой скульптурную фигуру – переднюю часть крылатого козла с широкими, загнутыми вперед крыльями с округленными концами (рис. 8, 4) [Толстой, Кондаков 1889а, с. 84, рис. 115; Артамонов 1966, табл. 117]. Сдвоенные фигурки крылатых козлов являлись украшением бронзовых котлов из Семиречья (рис. 8, 6) [Самашев и др. 2005, с. 67, фото]. Такое же существо<sup>20</sup> изображено на золотых украшениях головного убора из кургана Иссык в Семиречье (рис. 8, 7) [Акишев 1983, с. 68-69, фото; Жумабекова и др. 2011, фото на с. 56-57, 59], на украшении седла из кург. 1 мог-ка Ак-Алаха 1 в Горном Алтае [Полосьмак 1994, с. 48, рис. 49].

Еще одно необычное существо было воспроизведено на войлочном покрытии седла из кург. 10 мог-ка Берел в Горном Алтае (рис. 8, 5) [Самашев и др. 2010, с. 264, рис. 9, 1; 11, 4; Самашев 2011, с. 34, рис. 43]. У него голова с длинной и даже остроконечной мордой<sup>21</sup>, козлиной бородой, козлиными рогами, а также львиные (?) лапы, остроконечные крылья и пышный "петушиный" хвост. Крылатые существа с головой козла, лапами льва и небольшим загнутым вверх хвостом были воспроизведены и по краю войлочной покрывки седла из кург. 11 мог-ка Берел [Ахметжан, Ахметжанова 2013, рис. 12].

#### Крылатый бык

Из бокового погребения 1-го Филипповского кург. происходит зеркало, на обратной стороне диска которого изображена вереница крылатых быков, идущих по кругу (рис. 8, 8) [Яблонский 2014, с. 5, рис. II, 3]. Скорее всего, крылатый бык изображен на украшении седла из кург. 11 мог-ка Берел в Горном Алтае (рис. 8, 9) [Самашев 2011, с. 170-171, рис. 37; 405]. И, возможно, он же воспроизведен и на золотой бляшке, происходящей, по всей видимости, из раскопок С.А. Мазараки у с. Волковцы<sup>22</sup> (рис. 8, 10): животное изображено с подогнутыми ногами копытного животного и повернутой анфас головой с рогами и небольшим гребнем между ними.

#### Крылатый фантастический олень

<sup>20</sup> Его также описывают как крылатого коня, увенчанного рогами горного козла (таутеке), или в маске козла [Акишев 1978, с. 24; Жумабекова и др. 2011, с. 56; Самашев 2011, с. 32; Бесетаев 2012, с. 121-122].

<sup>21</sup> Авторы публикации видят в нем миксаморфное существо с антропоморфными чертами, с чем сложно согласиться.

<sup>22</sup> Коллекция Музея исторических драгоценностей Украины, инв. № ДМ-1702.

Из кургана Иссык происходят накладные бляхи в виде фигуры лежащего оленя с большой кроной рогов, лошадиным хвостом, S-видно изогнутой “бородой” и S-видными крыльями, верхний конец которых превращен в голову грифона (рис. 8, 11) [Акишев, 1978, табл. 18; Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011, фото на с. 158-159].

#### Крылатый лось

Из находок в Монголии происходит уникальная бронзовая бляха с изображением протомы крылатого лося, передняя нога которого, согнутая в колене, превращена в голову гуся, а рога – в фигуру верблюда (рис. 8, 12) [Королькова 2015, с. 184, ил. 16].

#### Крылатый фантастический кабан

Единичные изображения представляют *крылатое существо*, имеющее переднюю часть кабана, крылья с загнутыми вперед концами и заднюю часть в виде пальметки. Они происходят из 2-го Семибратнего кургана (рис. 8, 13) [Артамонов 1966, рис. 42; Piotrovsky et al 1986, pl. 84] и Куль-Обы (рис. 8, 14) (из собрания Гос. Эрмитажа [Артамонов 1966, с. 65, табл. 217; Копейкина 1986, с. 58, кат. 28] и Ashmolean Museum в университете Оксфорда [Vickers 2002, p. 54-55, pl. 21]). Можно предположить происхождение иконографии этого образа из античных монет Клазомен и других древнегреческих городов [Копейкина 1986, с. 58; Vickers 2002, p. 54; Шергина 2010; Скржинская 2010, с. 223], однако против такого предположения выступил И. Маразов, по мнению которого крылатый кабан является одним из воплощений иранского бога Веретрагны [Маразов 2001, с. 375]. В то же время, Л.В. Копейкина [1986, с. 32] отнесла изображения крылатого кабана к сюжетам из греческой мифологии, которым пока не удается найти ассоциации в скифской религии и искусстве.

Более сложное существо изображено на золотых лентах от головных уборов из курганов Толстая Могила и Чертомлык: оно имеет переднюю часть кабана, гибкое тело и задние лапы льва, а также мощные грифоньи крылья (рис. 8, 15) [Мозолевский 1979, с. 128, 130, рис. 111; Алексеев и др. 1991, с. 194-195, кат. 113].

#### Крылатое существо (слон?)

На рукояти секиры из Келермесского кургана 1/Ш среди животных, имеющих вполне реальные прототипы, изображено некое фантастическое существо (16-е сверху рукояти), совмещающее переднюю часть слона (?) с хоботом и изогнутыми бивнями, мощное тело с гребнем по верхнему краю, хищные лапы и небольшие узкие крылья по бокам (рис. 8, 16) [Артамонов 1966, табл. 14; Piotrovsky et al 1986, pl. 39; Черненко 1987, рис. 5, 16; Галанина 1997, табл. 11; Алексеев 2012, с. 74, фото]. Е.В. Переводчикова описала его как "фантастическое существо с кабаньей головой с клыком, из пасти свешивается язык, вдоль всей спины гребень, между последним хохолком которого и лопаткой проходит крыло, ноги оканчиваются птичьими головами" [Переводчикова 1979, с. 141]. Е.В. Черненко также отметил его подобие с кабаном, в частности, воспроизведенным на той же рукояти, а его внешность описал так: "хвост опущен, изо рта выглядывают массивные клыки, язык вывалился, шерсть на загривке поднята, образуя подобие гребня. Места для ушей не осталось, поэтому их помести сбоку головы по два уха с каждой стороны. Вместо копыт – когтистые лапы" [Черненко 1987, с. 27]. По И. Маразову, это крылатый кабан [Маразов 2001, с. 374]. В.А. Кисель называет его грифослоном, справедливо отмечая, что ничего общего с кабаном у данного существа нет [Кисель 1997, с. 9-10, 49-50; 2003, с. 43]. Зоолог Е.В. Пфиценмайер определяла данное существо как "стилизованного индийского слона (?)" [Кисель 1997, с. 49].

#### Крылатые хищники

Относительно более широко были распространены изображения *крылатых хищников*. Прежде всего, они характерны для кобанского и прикубанского вариантов скифского "звериного стиля" (рис. 8, 17) [Переводчикова 1984, с. 12-13, рис. 4, 11; 1987, с. 49; Вольная, Сокаева 2006]. Считается, что впервые этот образ появляется на кобанских бронзовых поясах на Кавказе (под влиянием искусства Урарту) и шире – в Передней Азии [Вольная, Сокаева, 2006]. Большинство северокавказских изображений V – IV вв. до н.э. представляют



сочетание образов волка и хищной птицы, в связи с чем их интерпретируют как образ мифической собако-птицы Симург/Сенмурв [Вольная, Сокаева 2006].

Из кург. 17 некрополя Нимфея происходит изображение *крылатого льва*, кончик хвоста которого превращен в голову хищной птицы с загнутым клювом (рис. 8, 18) [Силантьева 1959, рис. 38, 17; Артамонов 1966, табл. 101; Piotrovsky et al 1986, pl. 82]. При этом хвост зверя поднят, благодаря чему птица "оживает" (обычно головы животных, задействованные в зооморфных превращениях, являются скорее "декоративным" элементом, чем активной частью изображения), становясь своеобразным антиподом хищника, который повернул голову назад и смотрит на птицу. Благодаря этому изображенное существо напоминает мифическую двухголовую змею *амфисбену* (от др.-греч. ἀμφίς – с обеих сторон и βίβω – иду, т.е. двигающаяся в двух направлениях).

Изображения стилизованного крылатого хищника происходят из кургана Ташенак в Северном Причерноморье (рис. 8, 20) [Болтрик, Фіалко 1991, рис. 2]. Девять бляшек с изображением крылатого льва украшали горит из кургана, раскопанного С.А. Мазараки у с. Волковцы в лесостепном Поднепровье [Ильинская 1968, с. 49]. А из 2-го и 4-го Семибратних курганов происходят золотые пластинки с изображением *крылатого кошачьего хищника* (по М.И. Артамонову, львиного грифона) напавшего на козла (рис. 8, 19) [Толстой, Кондаков 1889б, с. 118, рис. 102; Артамонов 1966, табл. 116; 122; Piotrovsky et al 1986, pl. 106].

В искусстве горного Алтая известны изображения *крылатых хищников* (тигров или львов), у которых крылья могут иметь S-видную, клиновидную форму или форму завитка (рис. 8, 21-22) [Руденко 1953, рис. 82; Баркова 1985, с. 30-34; Кубарев 1987, табл. XXVIII, 9-10; XLVIII, 2]. Аналоги всем трем типам крыльев можно найти в искусстве Семиречья, в частности, в древностях кургана Иссык (рис. 8, 23) [Акишев 1978, рис. 74; 76; 77; табл. 3-4] и в Сибирской коллекции Петра I [Баркова 1985, с. 34].

Интересна уникальная сдвоенная фигура крылатого кошачьего хищника из 1-го Туэктинского кургана (рис. 8, 24) [Руденко 1960, рис. 148, м; 1961, табл. XVII, 3]. У него одна скульптурная голова, тогда как туловищ – два, расположенных зеркально-симметрично.

По мнению Л.Л. Барковой, истоки образа крылатого хищника "нужно искать в переднеазиатском и среднеазиатском искусстве, где изображение крылатого льва появились во II тыс. до н.э." [Баркова 1985, с. 34].

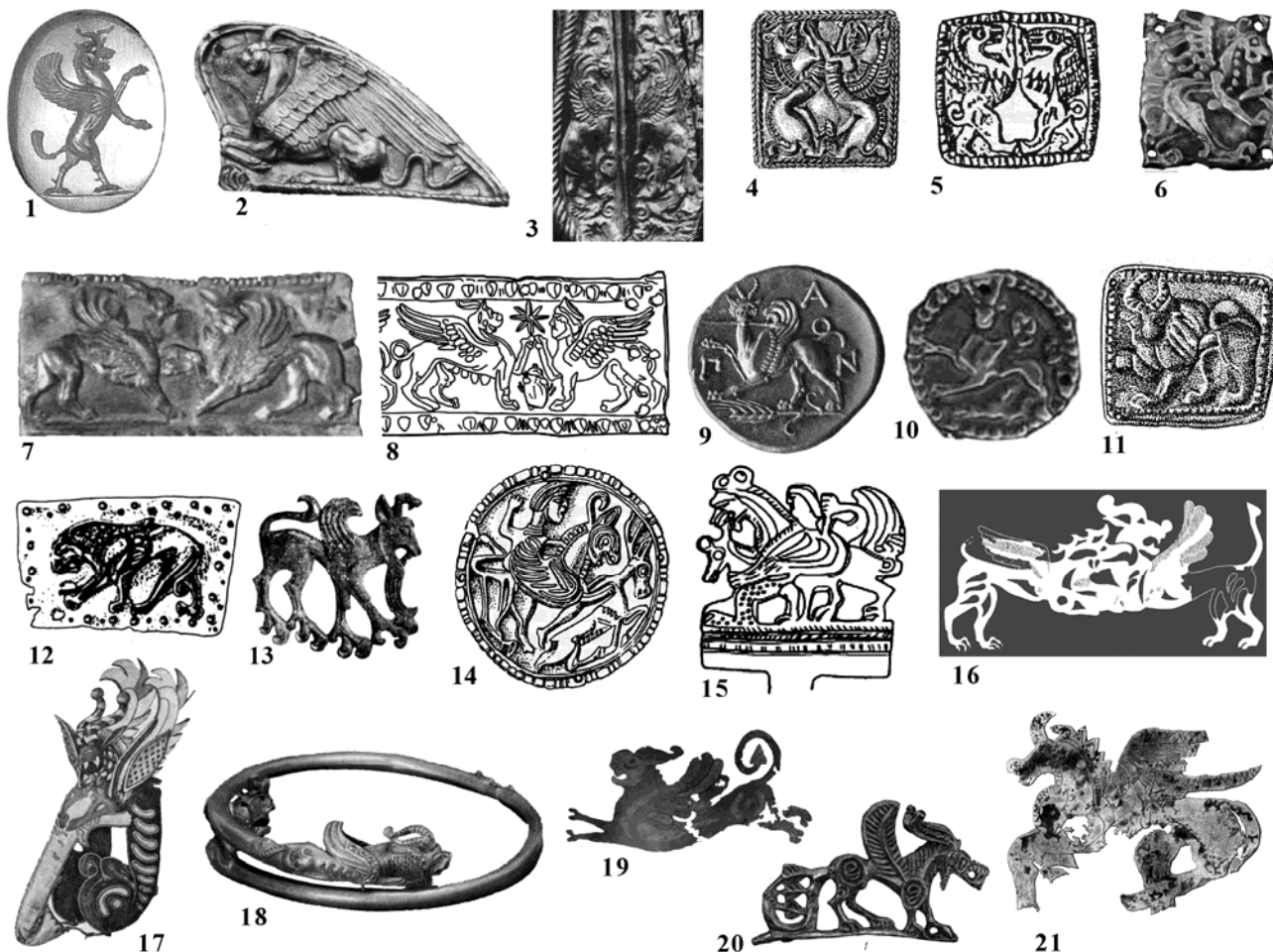
#### Крылатые и рогатые хищники

Еще более сложное сочетание разнородных признаков представляют собой рогатые и крылатые хищники, которых в литературе уже давно принято называть *львиноголовыми (львиным) грифонами*<sup>23</sup> или даже, вслед за G. Azarpay [Azarpay 1959, p. 326] – грифонами ахеменидского типа [Переводчикова 1984, с. 10]. Отмечается при этом, что орлиноголовый грифон был почти не известен ахеменидской традиции [Пьянков 1976, с. 23], в то время как львиноголовый грифон был редким образом в античном искусстве [Манцевич 1987, с. 75; иная точка зрения: Онайко 1970, с. 24-25]. Неоднократно высказывалось мнение, что в Северное Причерноморье образ этого фантастического существа попал из искусства Ахеменидского Ирана, пройдя здесь определенную трансформацию [Ростовцев 1918, с. 117; Rostovtzeff 1922, p. 11; Шелов 1950, с. 66-68]. Популярность же его как в скифской среде, так и на Боспоре, вероятно, была обусловлена местными религиозно-мифологическими

<sup>23</sup> С собственно грифонами данные существа объединяет только крылатое львиное туловище, но поскольку определяющим в облике была именно голова, то говорить, что орлиноголовые и львиноголовые существа были суть одно и то же, как это, в частности, предполагал Д.Б. Шелов [1950, с. 67-68], не представляется возможным. Разница в образах явно была подчеркнута в сценах противостояния этих существ, в частности, известных по изображениям из 1-го Пазырыкского кург. в Горном Алтае (рис. 9, 16) [Руденко 1954, рис. 111]. Очень вероятна взаимосвязь этих существ с культами различных божеств, свидетельством чего являются пантикапейские монеты [Шелов 1950, с. 68-69].

представлениями, что, в частности, фиксируется на примерах связи этого существа со "змееной богиней", известной по различным изображениям [Шелов 1950, с. 67-68; Бессонова 1985, с. 93-94].

Отличительной чертой собственно ахеменидских изображений являются два "козлиных" рога, расходящиеся над головой в разные стороны. Такой зверь изображен, например, на халцедоновом скарабеоиде из мог. 5 (1868 г.) Нимфейского некрополя (рис. 9, 1) [Vickers 2002, p. 42-43, pl. 15].



**Рис. 9.** Полиморфные существа третьего уровня, крылатые и рогатые хищники: 1 – мог. 5 (1868 г.), некрополь Нимфея [по: Vickers 2002]; 2, 11 – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; 3 – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Артамонов 1966]; 4 – кург. Гайманова Могила, Северное Причерноморье [по: Бидзиля, Полин 2012]; 5 – кург. 5 (раскопки Н.Е. Макаренко) у с. Мастюгино, Средний Дон [по: Либеров 1965]; 6 – кург. у с. Будки, лесостепное Приднепровье [по: Грибкова 2012]; 7 – кург. Солоха, Северное Причерноморье [по: Манцевич 1987]; 8 – кург. 6 у с. Водославка, Северное Причерноморье [по: Ліфантій 2015]; 9 – Пантикапей, Крым [по: Мозолевский, Полин 2005]; 10 – кург. 14 у пгт Стеблев, лесостепное Поднепровье [по: Грибкова 2011]; 12 – кург. Малая Цимбалка, Северное Причерноморье [по: Алексеев 1995]; 13 – кург. 1 у с. Защита, лесостепное Поднепровье [по: Бокій 1970]; 14 – кург. 1 у с. Дуровка, Средний Дон [по: Пузикова 1966]; 15 – кург. Слоновская Близница, Северное Причерноморье [по: Канторович 1998]; 16, 17 – 1-й Пазырыкский кург., Горный Алтай [по: Руденко 1954]; 18, 20 – Сибирская коллекция Петра I [по: Руденко 1962]; 19 – кург. 1 мог-ка Ак-Алаха-3, Горный Алтай [по: Полосьмак 2001]; 21 – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Древности 1866]

**Fig. 9.** The polymorphic creatures of the third level group: the winged and horned predators

Большинство же изображений этих существ, происходящих с территории скифского мира, иконографически несколько иные. Вероятно, наиболее яркий образ воспроизведен на боковом выступе ножен меча из Толстой Могилы [Мозолевский 1979, с. 70-73, рис. 52-56]. Данный зверь совмещает в себе признаки льва (голова, тело, лапы), грифона (шея, крылья), козла (уши, рога, согнутые передние ноги) и змеи (хвост) (рис. 9, 2).

На каплевидных обивках днища горитов чертомлыцкого типа размещены изображения львиноголовых грифонов, стоящих друг против друга в геральдической позе по сторонам от срединного ребра (рис. 9, 3) [Артамонов 1966, рис. 116; Онайко 1970, с. 28; Тереножкин, Мозолевский 1988, с. 124, рис. 141]. Подобные грифоны (также в геральдической позе) изображены на прямоугольных бляшках из курганов у с. Верхний Рогачик [ОАК за 1913-1915, 1918, с. 135, рис. 221; Онайко 1970, с. 106, кат. 493м], Куль-Оба [Копейкина 1986, с. 48-49, кат. 18], Чмырева Могилы [Онайко 1970, табл. XL, кат. 496з] и Гайманова Могилы (рис. 9, 4) [Бидзиля, Полин 2012, с. 83, 389, рис. 104, 1; 522; 523]. По всей видимости, репликой на данную композицию с двумя противостоящими крылатыми и рогатыми львами является серия изображений на золотых бляшках из Мастюгинских курганов на Среднем Дону (рис. 9, 5) [Либеров 1965, табл. 33, 4, 5; Манцевич 1973, рис. 2, 3; 11, 6-9; Савченко 2005, рис. 6, 7, 8, 10, 11], хотя у большинства среднедонских изображений этих существ рог не обозначался.

На нижнем боковом выступе обивки горита из кургана Солоха также изображены два львиноголовых грифона: животные стоят друг против друга с поднятой одной передней лапой; у правого грифона голова повернута назад (рис. 9, 7) [Онайко 1970, с. 24, табл. XIX; Манцевич 1987, с. 73-75, кат. 53]. Схема изображения животных с прямо поставленной или повернутой назад головой и поднятой передней лапой, означающей жест грозного хранителя, хорошо известна в античном искусстве [Онайко 1970, с. 24]. Подобная композиция воспроизведена на золотых лентах от головного убора из кург. 22 Красноперекопских курганов и кург. 6 у с. Водославка (рис. 9, 8) [Лесков 1981, рис. 30; Лифантій 2015, рис. 1, 3], но здесь противостоят друг другу разные фантастические существа, в том числе и рогатый и крылатый хищник.

На прямоугольной пластине из Александропольского кургана изображен стоящий на задних лапах львиноголовый грифон, у которого одна передняя лапа опущена, а вторая – поднята [Древности 1866, табл. XIV, 4; Онайко 1970, с. 102, табл. XXIII, 429z]. Возможно, вариантом данного сюжета является изображение на золотых бляшках из кургана у с. Будки (рис. 9, 6) [Грибкова 2012, с. 133, рис. 3, 3]. Также золотые бляшки с львиноголовым грифоном происходят из Курджипского кургана [Галанина 1980, кат. 50] и из находок у ст. Лабинской [ОАК за 1909-1910, 1913, с. 214, рис. 245] в Прикубанье. На золотой булавке из Пантикапея (Керчи) размещена протома львиноголового грифона [Толстой, Кондаков 1889б, рис. 11]. Фигура такого грифона служит ручкой серебряной амфоры из Куковой Могилы в Болгарии [Маразов 1978, с. 29, кат. № 20].

По мнению Н.А. Онайко, ближайшей аналогией этим животным (в частности, воспроизведенным на горите из кургана Солоха) являются грифоны, изображенные на пантикапейских монетах (золотой статер середины – второй половины IV в. до н.э.; последний обзор см.: [Мозолевский, Полин 2005, с. 392-410], а о символике изображений на них см.: [Виноградов, Шауб 2005]). Данные существа (как и солохские) отличаются приземистой коренастой фигурой животного с львиной головой, козлиными ушами и рогами (рис. 9, 9). Согласно Н.А. Онайко [1970, с. 24-25], этот тип греческого грифа, созданный на переднеазиатской основе, стал характерным для Северного Причерноморья образом фантастического животного. Д.Б. Шелов считал, что изображения на статерах являются "лишь одним из многочисленных примеров использования этого сюжета греко-скифским искусством" [Шелов 1950, с. 66-67].

В Скифии пантикапейские статеры использовали в качестве щитка перстня (но с той оговоркой, что монеты повернуты изображением грифона вовнутрь), о чем говорят находки в Рыжановском кургане в Правобережной Днепровской лесостепи двух перстней в

погребении, исследованном в 1887 г., и одного в женском погребении, исследованном в 1995 г. [Шелов 1956, с. 140; Онайко 1979, табл. XXXIII, 809б; Chochorowski 1999], а также в кург. 9 у с. Марьевка в степном Поднепровье [Бунятян, Фіалко 2009, с. 63, 66, рис. 9, 1, табл. 2, 1]. А из курганов Огуз, Татьяна Могилы и кург. 14 у пгт Стеблев происходят золотые круглые бляшки с рельефной рамкой, внутри которой изображен тип грифона, "идущего по колосу", подобный воспроизведенным на стateraх (рис. 9, 10) [Онайко 1970, с. 106, табл. XLI, кат. 500к; Мурзін и др. 1993, с. 99, рис. 4, 9; Скорый 1997, с. 89-90, рис. 53, 3; Мозолевский, Полин 2005, с. 394, рис. 141, 29-30; Грибкова 2011, с. 68, рис. 1, 12].

Серия изображений представляет существо с телом льва, крыльями и с повернутой анфас рогатой головой, в его обличье угадываются антропоморфные черты [см. также: Шелов 1950, с. 67]. Такие существа изображены на ленте метопиды из юго-восточной камеры кургана Чертомлык [Древности 1872, табл. XXXV, 4; Онайко 1970, табл. XXXV, кат. 449е; Алексеев и др. 1991, с. 206-208, кат. 128], а также на золотых прямоугольных бляшках из центрального погребения Толстой Могилы (рис. 9, 11) [Мозолевский 1979, с. 131; рис. 113, 8], восточной могилы Бердянского кургана [Чередниченко, Фіалко 1988, рис. 3, 23; Фіалко 2001, с. 296, рис. 16], погр. 3, кург. 75 группы Солоха [Мелюкова 1999, с. 77, рис. 15, 15-18], погр. 2, кург. 1 группы II у с. Первомаевка [Евдокимов, Фридман 1987, с. 94, рис. 8, 3].

Иной стилистический облик рогатого и крылатого существа представлен на золотой пластинке-обивке деревянной чаши из кургана Малая Цимбалка, где изображен лев с небольшими стилизованным крылом, выступающими из-под лопатки, и длинным гладким рогом, прилегающим к шее, покрытой гривой, и заканчивающимся небольшим завитком (рис. 9, 12) [Алексеев 1995, с. 53, рис. 1, 3; 3, 2]. А на бронзовых бляхах из кург. 1 у с. Защита в лесостепном Поднепровье (рис. 9, 13) [Бокій 1970, с. 183-185; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 259, фото] представлен львиноголовый грифон со свисающим языком, подобно тому как изображали некоторых орлиноголовых грифонов.

На золотой бляшке из кург. 1 у с. Дуровка на Среднем Дону (рис. 9, 14) [Пузикова 1966, с. 83, 88, 89, рис. 29, 4] воспроизведена сцена необычной охоты на оленя. Охотник восседает на фантастическом животном, которое также напало на оленя. Существо имеет стилизованные признаки кошачьего хищника, серповидное крыло, короткую гриву/гребень, торчащее ухо и крючковидный рог (?), вертикально возвышающийся над головой. Близкая сцена с участием подобного персонажа, но воспроизведенная более стилизовано и со своими особенностями, изображена на бронзовых навершиях из кургана Слоновская Близница (рис. 9, 15) [Древности 1872, с. 64-66, табл. XXVI, 1-2; Канторович 1998, с. 78-87, рис. 1, 1-2], а также из кургана у с. Водославовка [Черепанова, Щепинский 1966, с. 75; Канторович 1998, с. 81]. По предположению Н.А. Онайко, изображения этих сцен охоты являются варварским подражанием греческим изображениям типа сцены на керамическом медальоне из Феодосии [Онайко 1976, с. 168, 169, 171, рис. 5, а-в; 1977, с. 154, 155, рис. 1-3], что было поддержано И.Ю. Шаубом [2007, с. 321-322, рис. 76-78]. А.Р. Канторович, принимая данное мнение в отношении изображения на дуровской бляшке (с той оговоркой, что в прототипе героя Н.А. Онайко видит Аполлона, а А.Р. Канторович – Беллерофонта), считает, что на слоновских навершиях воспроизведена уже переосмысленная сцена – защита героем рогатого травоядного животного от напавшего на него монстра [Канторович 1998, с. 80-87].

Изображения рогатых и крылатых хищников (львов) известны по находкам и в восточных регионах скифского мира. Классические изображения такого существа размещены на наконечниках золотой гривны из Сибирской коллекции Петра I (рис. 9, 18) [Руденко 1962, табл. XVII]. Достаточно широко представлены они в изделиях из горноалтайских курганов из мог-ков Пазырык (рис. 9, 16, 17) [Руденко 1953, рис. 55; 72; 79; 163; табл. XXIX, 1-2, LXXVII, 1-2; С, 1; CXII] и Ак-Алаха (рис. 9, 19) [Полосьмак 2001, рис. 136; 138; 139; 142]. Одной из уникальных ситуаций воплощения образа является размещение его на маске коня из 1-го Пазырыкского кург. (рис. 9, 17) [Руденко 1953, рис. 134; табл. LXXI, 2]. О.И. Чекрыжова отметила, что изображения этого существа в искусстве Горного

Алтая более статичны и имеют своеобразные стилистические черты (например, изображения шариков на концах рогов), что, возможно, говорит об их ахеименидском происхождении [Чекрыжова 2004, с. 15].

В единичных случаях представлены еще более утрированные образы монстров. Так, из Сибирской коллекции Петра I происходит уплощенная фигурка рогатого и крылатого хищного существа с открытой клыкастой пастью, верхней губой в складках, рогами, фактически сливающимися с ушами и с шариками на концах, козлиной бородой, гривой, намеченной параллельными рядами рельефных линий (так же подчеркнуто и оперение крыльев), схематичными грифонными головками, размещенными на бедре и крупе, и хвостом, свернутым в кольцо и оканчивающимся тремя кисточками (рис. 9, 20) [Руденко 1962, табл. XI, рис. 1-2].

Как изображения “львиного” или “львиноголового грифона” трактуются скульптурные головы хищных существ на фигурных наносниках скифо-фракийского стиля, происходящие из ряда памятников IV в. до н.э. степного Причерноморья: Мелитопольского и Краснокутского курганов, Чмыревой Могилы, Толстой Могилы, курганов Чертомлык, Огуз и Козел и др. [Ильинская 1968, с. 122; Мелюкова 1981, с. 83-85], а также для фракийских комплексов [Мелюкова 1981, с. 86-88]. Скульптурная головка животного показана с открытой пастью (часто с удлиненной нижней частью), длинными ушами и гривой, идущей по верхнему краю шеи. Однако при всей условности данного образа, в его трактовке нет главных признаков, по которым можно отнести его к грифонам – рогов или крыльев. Не случайно Б.Н. Мозолевский осторожно называет их “фантастическими существами” [Мозолевский 1979, с. 116], а авторы монографии по Чертомлыку – “трудноопределимыми существами”, изначальным прототипом которых был лев [Алексеев и др. 1991, с. 90], тогда как Е.В. Переводчикова и К.Б. Фирсов справедливо отмечают, что “нет оснований говорить в данном случае о фантастических существах: на рассмотренных изображениях нет никаких деталей, несовместимых с образом хищного зверя” [Переводчикова, Фирсов 2002, с. 48].

#### Крылатый “единорог”

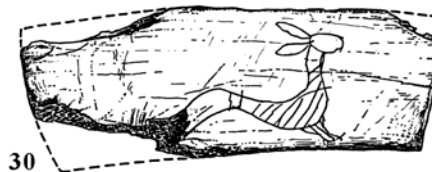
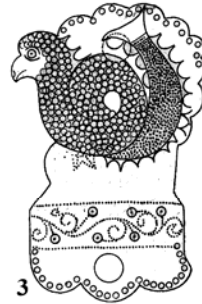
Фантастическое крылатое существо, напоминающее единорога, воспроизведено на медных бляхах из Александропольского кургана (рис. 9, 21) [Древности 1866, табл. V, 6; Толстой, Кондаков 1889б, с. 96, рис. 83]. У него тело, скорее всего, копытного животного (лошади?), бычий рог, зубчатый гребень, птичьи массивные крылья и относительно длинный хвост.

#### **Сочетание признаков млекопитающих, змей и рыб.**

Существа, сочетающие данные признаки (как и те, что будут рассмотрены ниже), имеют важный признак – рыбий хвост и плавники. Это позволяет исследователям относить их всех к разряду морских существ (например: [Бессонова 2004; Скржинская 2010а; Шауб 2011]). Иконография данных образов в той или иной степени заимствована из античной традиции. Однако, как отметил И.Ю. Шауб [2011], собственно в Греции, в отличие от Боспора и Скифии, “морские монстры не имели сколь-либо серьезного мифологического значения”.

#### Морской конь

Морские кони, или гиппокампы (др.-греч. *ἵπποκάμπος*) – существа с передней частью коня и змеевидным туловищем, заканчивающимся рыбьим хвостом. Данный образ является греческим и встречается только на изделиях греческого или греко-скифского происхождения. В частности, из одного погребения в кургане Большая Близница происходят височные украшения в виде дисков с изображениями Фетиды с доспехами, выкованными для Ахилла Гефестом, плывущей на гиппокампе в сопровождении дельфинов [Артамонов 1966, с. 68-69, рис. 296; 300; Piotrovsky et al 1986, pl. 251], а из другого погребения в том же кургане – 12 круглых бляшек с изображением nereиды, плывущей на гиппокампе [Артамонов 1966, с. 72]. Классическое изображение гиппокампа размещено на боковой лопасти обкладки ножен меча из кургана Куль-Оба (рис. 10, 1) [Толстой, Кондаков 1889б,



← **Рис. 10.** Полиморфные существа третьего уровня: **1** – кург. Куль-Оба, Крым [по: Артамонов 1966]; **2** – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Артамонов 1966]; **3** – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский 1979]; **4** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Древности 1866]; **5** – кург. 18 у с. Львово, Северное Причерноморье [по: Кубышев и др. 1982]; **6** – кург. Чертомлык, Северное Причерноморье [по: Древности 1872]; **7** – Елизаветовский кург. 1 (1910 г.), Нижний Дон [по: Артамонов 1966]; **8** – Краснокутский кург., Северное Причерноморье [по: Древности 1872]; **9** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Древности 1866]; **10, 16, 17, 27** – кург. Соболева Могила, Северное Причерноморье [по: Мозолевский, Полин 2005]; **11** – погр. 1 кург. 9 у с. Пески, Северное Причерноморье (фото Д.В. Клочко); **12** – Рыжановский кург., лесостепное Поднепровье [по: Клочко 1982]; **13** – Жалтырак-Таш, Прииссыккулье [по: Шер и др. 1987]; **14** – погребении у с. Косика, Нижнее Поволжье [по: Treister 1997]; **15** – Александропольский кург., Северное Причерноморье [по: Polin, Daragan 2011]; **18** – погр. 3 кург. 11 у с. Акимовка, Северное Причерноморье [по: Gold der Steppe 2009]; **19** – 4-й Семибратний кург., Прикубанье [по: Толстой, Кондаков 1889]; **20** – кург. Гайманова Могила, Северное Причерноморье [по: Бидзиля, Полин 2012]; **21** – кург. 1 (1897 г.) у с. Волковцы, Лесостепное Поднепровье (фото Д.В. Клочко); **22** – кург. Куль-Оба, Крым [по: Бессонова 2004]; **23** – кург. Чмырева Могила, Северное Причерноморье [по: Онайко 1970]; **24** – Одесский археологический музей [по: Островерхов, Охотников 1989]; **25** – погр. 1 кург. 40 у с. Пришиб, Северное Причерноморье (фото Д.В. Клочко); **26** – кург. Большая Цимбалка, Северное Причерноморье [по: Артамонов 1966]; **28** – кург. Толстая Могила, Северное Причерноморье (фото Д.В. Клочко); **29** – Сибирская коллекция Петра I [по: Руденко 1962]; **30** – поселение Черниково Озеро-I, Подонцовье [по: Усачук, Полидович 2006]

← **Fig. 10.** The polymorphic creatures of the third level group: marine creatures, sên-murv, Scythian dragon and other monsters

с. 148, рис. 125; Артамонов 1966, табл. 208; 209], а также на концах парных браслетов из женского погребения кургана Карагодеуашх [Piotrovsky et al 1986, pl. 250].

#### Морской олень

Единичным является изображение существа с передней частью оленя, голова которого увенчана рогами, со свернутым в кольцо змеевидным/драконовидным туловищем, покрытым сверху и снизу выступами, и с раздвоенным "рыбьим" хвостом, воспроизведенного на золотой пластинке из кургана Чертомлык (рис. 10, 2) [Артамонов 1966, рис. 101; Алексеев 1986, с. 69, кат. 34; Алексеев и др. 1991, с. 249, рис. 76, кат. 212, 28].

#### **Сочетание признаков птицы, змеи и рыбы.**

Уникальными являются изображения существ на фигурных щитках серебряных нащечников из кургана Толстая Могила (рис. 10, 3) [Мозолевский 1979, рис. 26, 1, 3-4; Трейстер 2011, с. 87, рис. 18]: они имеют птичью голову с коротким клювом (по М.Ю. Трейстеру, голову голубя), толстое, длинное, закрученное в петлю змеиное тело с широким секировидным (в одном случае трехчастным) хвостовым плавником; голова и все тело покрыты гравированными кружками, имитирующими, вероятно, чешую; по внешнему краю тело дополнено гребешком. Согласно В.Я. Проппу, такое существо может воплощать первоначальный образ мифического змея, объединившего черты птицы и змеи, животных "представлявших душу" человека [Пропп 2000, с. 211].

#### **Сочетание признаков млекопитающих, птиц, змей и рыб.**

С точки зрения морфологии, наиболее сложными существами являются те, что сочетают в своем облике признаки млекопитающих, птиц, змей и рыб, т.е. животных, представляющих все три зоны мифологического мироздания.

В зависимости от особенностей иконографии, таких существ принято называть *гиппокампами* [Артамонов 1966, с. 54, 56, 65; Шауб 2011], *крылатыми гиппокампами* [Онайко 1970, с. 103, кат. 447а; Клочко 1982, с. 44], *драконами* [Мозолевский, Полин 2005, с. 178-179; Polin, Daragan 2011], *морскими драконами* [Алексеев 2011, с. 57, 60] или *драконовидными существами* [Бессонова 1977, с. 17]. Все они имеют общий признак –

змеино-рыбью заднюю часть туловища и, как правило, птичьих крылья. Передняя часть туловища может восходить к копытному животному (коню), грифону и хищнику. В зависимости от этого, их можно разделить на определенные группы существ, которые в той или иной степени соответствуют нескольким мифологическим образам.

#### Крылатый гиппокамп

Данному определению наиболее соответствует изображение на круглом фаларе из Александропольского кургана (рис. 10, 4) [Древности 1866, табл. VII, 1], где изображено существо с передней частью коня, у которого вместо гривы грифоний гребень, мощными крыльями, которые в верхней части стилизованы и загнуты вперед, а в нижней – состоят из трех рядов перьев, с двумя стилизованными плавниками, расположенными под крыльями, и длинным змеиным туловищем, закрученным в спираль и заканчивающимся раздвоенным хвостом. То, что существо относится в первую очередь к водной стихии, обозначено присутствием на фаларе изображения рыбы. Возможно, редуцированным изображением подобного существа является то, чья протома (голова и шея с зубчатым гребнем) размещена в верхней части псалиев из 2-го Уляпского кургана [Бессонова 2004, с. 26, рис. 2, 3]. Высказывалось также мнение, что к данной категории фантастических существ относится и уже упоминавшийся крылатый конь, воспроизведенный на Чертомлыцкой амфоре. Принадлежность коня к водной стихии, в данном случае, маркируется своеобразным зубчатым воротником [Мачинский 1978, с. 238-239; Бессонова 1983, с. 51-52].

На золотой налобной ленте (метопиде) из кург. 18 у с. Львово изображено крылатое существо с передней частью копытного (?) животного и мощным рыбьим туловищем, заканчивающимся поднятым вверх хвостом в виде трехлепестковой "чаши лотоса" (рис. 10, 5) [Кубышев и др. 1982, с. 138, рис. 7].

Необычное существо изображено на одной из метопид второго головного убора из юго-восточной камеры кургана Чертомлык: оно имеет голову нехищного животного, короткую гриву или гребень на шее, симметрично развернутые два серповидных крыла и туловище, перерастающее в растительные побеги (рис. 10, 6) [Древности 1872, табл. XXXVI, 7; Ключко 1982, с. 44; Алексеев и др. 1991, с. 210-211, кат. 136; Алексеев 2012, с. 224, фото]. Подобные существа встречаются на золотых лентах от головных уборов еще в ряде комплексов. Определяют их, как правило, как "гиппокампов" или "крылатых гиппокампов", отмечая при этом, что в некоторых случаях они напоминают морских коньков [Мирошина 1981, с. 52; Бабенко 2006, с. 77-78, рис. 1, 1-2].

#### Грифон со змеино-рыбьим хвостом ("сенмурв")

Это уникальное изображение существа на обкладке ножен меча V в. до н.э. из Елизаветовского кург. 1 (1910 г.) на Нижнем Дону: у него передняя часть туловища, как у орлиноголового грифона, загнутый клюв, шишковидный выступ на голове, остроконечное ухо, изогнутые вперед крылья, лапы хищного животного, короткое туловище и широкий раздвоенный рыбий хвост (одна его часть покрыта прямыми параллельными линиями, а вторая – прямоугольными чешуйками). В пасти чудовище держит змею, длинное тело которой проходит у него между лапами, а хвост перекинут на спину (рис. 10, 7) [Тревер 1937, рис. 1; Артамонов 1966, табл. 323; 325; Бессонова 1977, с. 14, рис. 5, 1]. К.В. Тревер и С.С. Бессонова описывали хвост данного существа как распластанный птичий, но с этим трудно согласиться, т.к. подобная трактовка птичьего хвоста в скифском искусстве не известна. Это именно двухчастный рыбий хвост, хотя и воспроизведенный очень условно.

По мнению К.В. Тревер, поддержанному С.С. Бессоновой, это существо является одним из вариантов образа собако-птицы Сенмурва, а в сцене расправы со змеей, эквивалентной змеборчеству, ярко представлена его позитивная сущность [Тревер 1937, с. 34-35; Бессонова 1977, с. 14, 15]. Сенмурв (пехл. *sēnмурw* от авест. *tərəuδ saēnō*, "птица Сен"; в новоперс./фарси – Симург) – в сасанидской и зороастрийской традиции фантастическое "триединое" существо с головой собаки, крыльями и в рыбьей чешуе, символизирующее господство на земле, на небе и в воде. "Триединая птица Сен" –



наибольшая из птиц. Сенмурв вместе с каршиптом, орлом, грифом и другими птицами назван среди ста десяти видов птиц. Как и летучая мышь, Сенмурв летает по ночам. Гнездо этой птицы находится на всеисцеляющем древе со многими семенами [Рак 1998, с. 105, 224, 500-501; Чунакова 2004, с. 200-202]. С образом фантастической птицы связаны различные представления, в частности, она, наряду с птицей Варагн, является носителем фарна [Кузьмина 1976, с. 64; Comparati 2006, p. 190-191].

Сасанидские изображения, интерпретируемые как воплощения Сенмурва<sup>24</sup>, появляются, начиная с эпохи Варахрана II (276 – 293 гг. н.э.) [Маршак 1971, с. 38-39; Рак 1998, с. 500]. Известный иконографический образ сасанидского времени находит определенные аналогии с некоторыми скифскими изображениями<sup>25</sup>. Впервые подобное сопоставление было сделано К.В. Тревер [1937], а затем поддержано и другими исследователями [Безсонова 1977; Кубарев 1992, с. 94-96; др.].

Собственно, елизаветовское изображение, по всей видимости, является изначальным в серии изображений драконовидных существ, получившей распространение уже в IV в. до н.э. У всех таких существ рыбий раздвоенный хвост, изображен в аналогичном ракурсе. Но если у елизаветинского существа голова грифона (что выделяет его из числа иных подобных существ), то аналогичные персонажи, изображавшиеся в IV в. до н.э., имели голову хищного животного, как правило с вытянутой мордой (волчью или собачью). Однако применение к данной группе изображений определения сенмурв считаем преждевременным, а потому определяем их более общим и распространенным термином – дракон.

#### Скифский дракон

Дракон (греч. δράκων, лат. Draco) – в древности так называли неядовитых змей, преимущественно – питонов и вообще огромных змей [Таронян 2007, с. 400]. Со временем дракон превращается в баснословное чудовище, совмещающее в себе черты разных животных [Пропп 2000, с. 183-184, 209-212; Иванов 1980, с. 394] и воплощающее собой мифологическую метафору внешнего мира [Чеснов 1985]. Главная его особенность – наличие головы хищного зверя.

Скифский дракон, представленный компактной серией изображений, предстает как существо, имеющее голову хищного зверя (как правило, с вытянутой “волчьей” мордой), длинную шею, часто дополненную гребнем, две мощные звериные лапы, загнутое в кольцо змеиное туловище, часто оканчивающееся раздвоенным “рыбьим” хвостом, и серповидные крылья. Это изображения на навершиях из Краснокутского кургана (рис. 10, 8) и собрания Одесского археологического музея, золотых пластинах из Александропольского кургана (рис. 10, 9), Бабиной Могилы, Соболевой Могилы (рис. 10, 10), Большой Близицы, погр. 1 кург. 9 у с. Пески в Нижнем Поднепровье (рис. 10, 11) [Древности 1866, табл. VIII, 9; XII, 6; Древности 1872, табл. XXIV, 1-2; XXV, 3-4; Артамонов 1966, с. 54, 56, рис. 123; 134; Безсонова 1977, с. 17; Гребенников 1987, с. 153, рис. 3, 11; Островерхов, Охотников 1989, с. 64-65, рис. 4, 4; Мозолевский, Полин 2005, табл. 12, 30; 18, 5/3; Polin, Daragan 2011; Алексеев 2012, с. 256, фото; др.], метопидах из Деевого и Рыжановского курганов (рис. 10, 12) [Онайко 1970, рис. 7, табл. XXXIV, кат. 447а; Клочко 1982, с. 44, рис. 6, 1, 2]. При этом данные существа-драконы чаще всего задействованы либо во многофигурных композициях (Деев и Рыжановский курганы), в том числе геральдических (Александрополь, Бабина

<sup>24</sup> Согласно исследованиям Х.-П. Шмидт, современные представления о Сенмурве как синкретическом существе (собако-птице) – ошибочны [Schmidt 1980], что ставит под сомнение и общепринятую иконографическую идентификацию мифологического образа [Иерусалимская 1995, с. 67-68].

<sup>25</sup> А.В. Запорожченко сопоставил Сенмурва с античными грифами [Запорожченко 1989, с. 64; Запорожченко, Черемисин 1997, с. 86], о которых шла речь выше, а ряд других авторов [Шер и др. 1987, с. 75, 76, рис. 9, 1-2; Чекрыжова 2007] – с изображениями крылатых хищников, что, на наш взгляд, является некорректным, учитывая различия как во внешнем облике обозначенных существ, так и в мифологическом контексте.

Могила), либо в сценах терзания какого-то животного (вероятно, хищника) самостоятельно (Краснокутский курган, собрание Одесского археологического музея) или вместе с грифоном (Александрополь).

Данный иконографический образ, по всей видимости, был известен и в восточных регионах Евразийских степей, свидетельством чему является изображение на петроглифах Жалтырак-Таша в Прииссыккулье (рис. 10, 13) [Шер и др. 1987, с. 75, 76, рис. 9, 3] и Калбак-Таш на Алтае [Кубарев 1992, с. 94-96, рис. 1, 1-2]. Судя по стилистическим особенностям, данные изображения относятся уже к пост-скифскому времени. В сарматском элитном погребении середины I в. н.э. у с. Косика в Нижнем Поволжье была найдена серебряная чаша-фиала с позолоченными изображениями аналогичных драконовидных существ (рис. 10, 14) [Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, с. 148; Treister 1997, fig. 33]. Подобный образ известен и на согдианских росписях VIII в. Пенджикента [Marshak 2002; Compareti 2006, p. 191, fig. 4]. Не исключено, что именно скифские изображения повлияли на становление известного сасанидского образа, а данные пост-скифские изображения являются свидетельствами этапов распространения и становления образа дракона/сенмурва в среде иранских народов.

*Единичные изображения* представляют те или иные варианты воплощения рассматриваемого образа скифского дракона.

Существо на прямоугольных золотых бляшках из *Александропольского кургана* (рис. 10, 15) [Polin, Daragan 2011, fig. 4, 1] имеет массивную переднюю часть и совсем короткую крючковидную – заднюю.

Существо на некоторых нашивных круглых бляшках из *Соболевой Могилы* более стилизовано, спирально закрученный изгиб тела превращен в изогнутый завиток, а хвост представлен трехчастным (рис. 10, 16) [Мозолевский, Полин 2005, табл. 18, 5/1].

У подобных существ, изображенных на ажурной фигурной пластине от обкладки горита из *Соболевой Могилы*, головы увенчаны загнутыми вперед рогами, снизу от подбородков отходят длинные бороды, загнутые крючком вперед, на их телах, начиная от плечей, последовательно размещены 5 крыльев, от плеча из-под левых лап отходят крыловидные отростки (рис. 10, 17) [Мозолевский, Полин 2005, с. 179-180, табл. 18, 1].

На золотых бляшках из *погр. 3 кург. 11 у с. Акимовка* в степном Поднепровье (рис. 10, 18) [Gold der Steppe 2009, S. 166, Kat. 42] представлено существо, имеющее переднюю часть кошачьего хищника, серповидные крылья и изогнутое рыбье тело с нижним и верхним плавниками и раздвоенным хвостом.

Необычное существо представлено на золотой обкладке деревянного ритона из *4-го Семибратнего кургана* (рис. 10, 19) [Толстой, Кондаков 1889б, с. 119, рис. 103; Безсонова 1977, с. 14-15, рис. 5, 2; Piotrovsky et al 1986, pl. 107]. Его передняя часть сочетает стилизованные черты волка (голова с оскаленной пастью), козла (борода), грифона раннегреческого типа (выступ на голове, ухо, рубчатый воротник, длинный локон на шее, прямой и короткий гребень) и льва (мощные мускулистые лапы). Поднятое вверх крыло трансформировано в голову хищной птицы (с загнутым спиралевидно клювом, утрировано выступающей восковицей, большим круглым глазом и остроконечным ухом), а змеевидное тело с хвостом – голову водоплавающей птицы с изгибающейся длинной шеей. По мнению С.С. Бессоновой, это трехголовое существо, сочетающее в своем облике три стихии – земную, небесную и водную [Безсонова 1977, с. 14-15]. Согласно К.В. Тревер [1937, с. 36-37], этот монстр также имеет отношение к образу собако-птицы Сенмурва, но С.С. Бессонова определила его как трехголового и драконовидного антипода Сенмурва [Безсонова 1977, с. 15]. С последним определением трудно согласиться, т.к. при всей оригинальности семибратненского изображения оно все же не выходит за пределы общей иконографической и мифологической традиции.

Подобным драконовидным существом можно считать и монстра на костяной пластине из *Гаймановой Могилы* (в сцене противостояния двум героям). Его внешний облик не совсем

понятен, т.к., к сожалению, верхняя часть изображения существа не сохранилась, но можно сказать, что у него две мощные звериные лапы, задняя часть похожа на змеиную, покрыта чешуей и заканчивается раздвоенным рыбьим хвостом (возможно, были изображены и крылья) (рис. 10, 20) [Безсонова 1977, с. 17, рис. 7; Бидзиля, Полин 2012, с. 483, рис. 229; 734; 735]. С.С. Бессонова, считая, что данное существо также воплощает сенмурва, обратила внимание на существование в иранской мифологии не только благостного образа фантастической птицы, но и его антипода – демонического сенмурва с устрашающим внешним видом [Безсонова 1977, с. 17; см. также: Рак 1998, с. 224; Тревер, Луконин 1987, с. 93; Иерусалимская 1995, с. 67, рис. 1, 4-5].

#### Двухголовое чудовище

На золотой обложке пластинчатого наносника из кург. 1 у с. Волковцы (раскопки С. Мазараки 1897 г.) в лесостепном Поднепровье изображено драконовидное существо, в образе которого соединяются черты, характерные для собаки (волка), птицы и водного существа (рис. 10, 21) [Ильинская 1968, с. 124, 125, рис. 34; Безсонова 1977, с. 13]. Оно имеет две когтистые лапы, длинное туловище, которое на конце сужается, и две собачьи (волчьи) головы. Первая передняя голова воспроизведена полностью и воспринимается естественно вместе с остальной частью тела существа, вторая находится на заднем плане и частично перекрывается передней. Морды оскалены, глаза крупные миндалевидные, остроконечные уши отведены назад и покрыты параллельными горизонтальными насечками. Посредине шеи обозначена стилизованная полоса с жемчужным орнаментом, плечо обведено вдавленной линией. Крыло с небольшим надкрыльем состоит из параллельных длинных перьев. Туловище покрыто узором в виде сетки из неправильной формы ромбических ячеек (так изображают и рыбу чешую, и птичьи перья). Оно заканчивается хвостом, имеющим вид остроносой морды с большим глазом, от которого вниз отходит завиток с острым, прижатым к спине ухом.

С.С. Бессонова вслед за В.А. Ильинской видела здесь трехголовое существо и, основываясь на такой интерпретации, предположила, что вся композиция на налобнике, где кроме чудовища изображено лицо антропоморфного персонажа в анфас, воплощает один из сюжетов эпического сказания, обозначенный изображениями героя и его противника. Сам образ трехголового пса, который находит параллели в легендах об ирландском Кухуллине, лидийском Кандаулесе, греческом Геракле, по мнению исследовательницы, сложился во время пребывания скифов в Передней Азии и на Кавказе. Свидетельством же существования подобного сюжета в древнеиранской мифологии является изображение на знаменитой чаше из Хасанлу (Иран) [Безсонова 1977, с. 16, 19, 20, рис. 9]<sup>26</sup>. Определение существа, изображенного на волковецком налобнике, как двухголового, тем не менее, не выводит его из обозначенного семантического круга. Достаточно вспомнить, что в ходе десятого подвига Геракл, похищая коров Гериона, убил их стражника – двухголового пса Орфа [Грейвс 2005, с. 660]. Данный миф, как известно, был достаточно актуален в Северном Причерноморье, т.к. согласно “эллинической версии” легенды о происхождении скифов, изложенной Геродотом (Herod. IV, 8), Геракл со стадами быков попал на землю будущей Скифии именно после совершения данного подвига и убийства Орфа.

Поединок Геракла с двухголовым псом-чудовищем изображен на уздечной бляхе из Бабиной Могилы [Мозолевский, Полин 2005, с. 312, табл. 8, 3].

---

<sup>26</sup> К числу трехголовых существ С.С. Бессонова [Безсонова 1977, с. 22, прим. 18] отнесла и изображения на щитках бронзовых псалиев из кург. 1917 г. у ст. Елизаветинской [Артамонов 1966, табл. 143], из Алексеевского ущелья и Келасури на Северо-Западном Кавказе [Воронов 1975, рис. 9, 15; 10, 11] (в то же время, ср. со щитками псалиев из кург. 1 у ст. Кужорской в Прикубанье [Канторович, Эрлих 2006, кат. 90, с. 128-129, 201]).

### Змей-дракон

К числу таковых относим те фантастические змеевидные существа, которые имеют голову условного хищного зверя, рога козла (иногда), тело змеи, крылья птицы (не всегда) и хвост рыбы. Можно выделить несколько разновидностей.

*Первая* представлена на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (рис. 10, 22) [Артамонов 1966, табл. 256; Piotrovsky et al 1986, pl. 207; Копейкина 1986, с. 47-48, кат. 17]. У существа длинная морда с закрытой пастью, носом-"пяточком" и стоящими остроконечными ушами, длинная шея, орнаментированная (как и передняя часть крыльев) кружками, небольшие птичьи крылья, изогнутое змеиное тело, покрытое чешуей, гребень, который проходит по верхней части тела от лба до хвоста, два "плавника" (большой крыловидный в средней части туловища, под крыльями, и маленький возле хвоста) и серповидный рыбий хвост. По мнению Л.В. Копейкиной, данный иконографический образ, вероятно, был позаимствован из античного искусства, поскольку по типу он ближе всего к изображению змея-дракона на мозаиках из Олинфа, а по силуэту и проработке деталей напоминает изображения драконов на краснофигурных вазах круга мастера Мидия [Копейкина 1986, с. 48, кат. 17]. С.С. Бессонова [2004, с. 26] считает, что это существо имеет некоторое сходство с морским коньком, в частности "у него голова морского конька, крылья водного существа".

*Вторая разновидность* представлена изображением подобного существа (но без крыльев) на позолоченном диске на дне серебряного килика из кургана Чмырева Могила (рис. 10, 23) [ОАК за 1909-1910, 1913, с. 131, рис. 198; Онайко 1970, с. 101, кат. 400, табл. XV] (здесь воспроизведена сцена "нереида, везущая на морском драконе<sup>27</sup> шлем Ахиллу" [Онайко 1970, с. 101]). Такое же существо без крыльев изображено на щитке перстня из Павловского кургана [Williams, Ogden 1994, p. 171, Kat. 108], но у него гребень только на шее, а плавников – три. Принадлежность к водной среде подчеркивается окружающими дракона дельфинами и рыбами. Судя по признакам данное существо, вероятно, воплощает чудовище *кетос* (κέτος), известное по древнегреческим мифам [Королькова 2015, с. 168], на изображения которого и ссылалась Л.В. Копейкина [Копейкина 1986, с. 48]. Более стилизованное существо воплощено на Анапском саркофаге № 21 [Бессонова 2004, с. 26].

*Третья разновидность* представляет собой некое существо, переходное между выделяемыми драконовидными и змеевидными существами. Оно воспроизведено на золотых прямоугольных бляшках из кургана у с. Верхний Рогачик и на аналогичным им из собрания Одесского археологического музея<sup>28</sup> (рис. 10, 24) [ОАК за 1913-1915, 1918, с. 135, рис. 221; Островерхов, Охотников 1989, рис. 4, 2; Polin, Daragan 2011, fig. 4, 2-3]. У него длинная тонкая морда с раскрытой пастью, "козлиная" борода, относительно мощная передняя часть, покрытая чешуей, серповидные крылья, короткая задняя часть с зубчатым гребнем сверху и нижние "плавники", напоминающие передние лапы. Подобное существо изображено на квадратных золотых бляшках из погр. 1 кург. 40 у с. Пришиб в Нижнем Поднепровье<sup>29</sup> (рис. 10, 25) [Шапошникова и др. 1984, с. 129, табл. 78, 7]. Его отличает "петушиная" бородка и иная форма "плавников".

И, наконец, *четвертая разновидность* представлена на ажурной пластине от покрытия горита из кургана Соболева Могила, где изображены змеи-драконы, которых держит за рога миксаморфное существо (рис. 10, 27) [Мозолевский, Полин 2005, с. 178-179, рис. 98-99, табл. 17, 3]. У драконов короткая округлая звериная морда с сомкнутой пастью, рога, длинные и

<sup>27</sup> И.Ю. Шауб отметил, что если для ювелиров Греции было характерно изображение nereид на дельфинах, то "в Северном Причерноморье nereид всегда везут морские монстры" [Шауб 2011, с. 133].

<sup>28</sup> Л.И. Бабенко обратил наше внимание на то, что одесские бляшки могут происходить из Верхнерогачикского кургана, из грабительских раскопок, проводимых крестьянами [см. об этом: Бабенко 2015].

<sup>29</sup> Музей исторических драгоценностей Украины, инв. № АЗС-3563/1–АЗС-3563/27.

тонкие уши, на затылках – гребни. От туловищ назад отходят имеющие чешуйчатое покрытие крылья, загнутые вперед. Длинные змеиные тела, покрытые мелкой нерегулярной чешуей, заканчиваются хвостами с кончаниями в виде соцветий с волнитообразными завитками по бокам. Двух подобных существ (со звериной головой, рогами и длинной змеиной шеей) держит за рога богиня на золотой обивках конских пластинчатых наносников из курганов Большая Цимбалка (Цимбалова Могила) (рис. 10, 26) [Артамонов 1966, табл. 186; Алексеев 2012, с. 167, фото] и Толстая Могила [Мозолевский 1979, с. 38, рис. 17; 23]. Но в данном случае воспроизведена только передняя часть существ, тела которых (вместе с телами орлиноголовых существ) воспринимаются как "конечности" "змееногой" богини.

Некое змеевидное существо также воспроизведено в сцене противостояния с антропоморфным персонажем на горитах, размещенных на верхнем фризе пекторали из Толстой Могилы (рис. 10, 28) [Безсонова 1977, с. 18; Мозолевский 1979, с. 86, рис. 68; 70; Вертиенко 2010, с. 91, рис. 1].

Таким образом, в искусстве народов скифского мира существовало достаточно большое число различных фантастических полиморфных образов. Их разнообразие было обусловлено, с одной стороны, сложностью мифологических представлений, визуальным воплощением которых и стали образы скифского искусства, а с другой – многообразием локальных культурных традиций в пределах всего евразийского скифского мира, испытывавших, к тому же, различные инокультурные влияния<sup>30</sup>. Однако не исключено, что в каких-то ситуациях те существа, которых в силу различия признаков мы относим к разным категориям, на самом деле являлись воплощениями одного мифологического образа. В этом отношении определяющим может стать контекст использования того или иного изображения. Исследования данного вопроса – дело будущего. Отметим только несколько показательных в этом отношении ситуаций. Так, на украшении седельной покрышки из 1-го Пазырыкского кург. воспроизведена борьба орлиноголового и львиноголового грифонов (рис. 9, 16) [Руденко 1953, рис. 163]. А на поясных бляшках времени хунну из Сибирской коллекции Петра I изображена сцена нападения на хищника двух фантастических существ, одно из которых крылатое, а другое – рогатое (рис. 10, 29) [Руденко 1962, табл. II, 5].

Обращает на себя внимание и тот факт, что фантастические существа "изначально малохарактерны для скифского звериного стиля" [Переводчикова 1994, с. 49] и, напротив, в IV в. до н.э. мы наблюдаем резкое увеличение количества как изображений таких существ, так и их образов. Этот феномен также требует детального анализа и объяснения. В данной ситуации обратим внимание, прежде всего, на то, что практически все исследователи отмечают наличие местных (в первую очередь, индоиранских) мифов и легенд о фантастических существах, которые были подосновой возникновения полиморфных образов в скифском искусстве. Одним из ярких примеров, подтверждающих данное положение, является изображение фантастического существа (вероятно, полузайца-полурыбы) на костяном орудии, происходящем из слоя эпохи позднего бронзового века на поселении Черниково Озеро-I в Подонцовье (рис. 10, 30) [Усачук, Полидович 2006, с. 254-255, рис. 7-9].

---

<sup>30</sup> Е.В. Переводчикова в этом отношении категорично заметила, что "разнообразие синкретических существ в скифском зверином стиле отчасти объясняется именно тем, что они были позаимствованы из разных изобразительных традиций" [Переводчикова 1994, с. 49].

*Полідович Ю.Б.*

## **ОБРАЗИ ФАНТАСТИЧНИХ ТВАРИН У МИСТЕЦТВІ НАРОДІВ СКІФСЬКОГО СВІТУ**

В статті класифікуються образи фантастичних (поліморфних) істот, що побутували у мистецтві народів скіфського світу. Виділено три групи персонажів, які об'єднано в залежності від сполучення в їх іконографії ознак, що відносяться до тварин різних зоологічних видів, родів, родин, рядів та класів. Дані групи об'єднують понад 40 окремих видів фантастичних істот, які представлено як поодинокими зображеннями, так і великими їх серіями, що були розповсюджені у різних регіонах скіфського світу – від Північного Причорномор'я до Туви та Монгольських степів. До групи поліморфних істот першого рівня віднесено персонажі, в зовнішності яких сполучаються ознаки представників різних зоологічних видів і родин. У зовнішньому вигляді фантастичних істот другого рівня сполучаються ознаки тварин різних зоологічних рядів, зокрема хижаків і копитних тварин. Ще більш складними є поліморфні істоти третього рівня, у зовнішньому вигляді яких об'єднуються ознаки тварин різних зоологічних класів, найперше – ознаки птахів та ссавців. Самим відомим образом з-поміж них є грифон. А найбільш складними істотами з позиції морфології можна вважати тих, у зовнішності яких поєднано риси ссавців, птахів, змії та риби, тобто тварин, які маркують всі три зони міфологічної світобудови. До них відноситься і "скіфський" дракон, зображення якого є властивими для пам'яток Північного Причорномор'я IV ст. до н.е. Різноманіття фантастичних істот у скіфському мистецтві було обумовлено, з одного боку, впливом на скіфське мистецтво давньосхідних та античних традицій, а з іншого, базувалося на складних місцевих міфологічних уявленнях про оточуючий світ.

**Ключові слова:** скіфський світ, звіриний стиль, фантастична тварина, поліморфна істота, грифон, сенмурв, дракон.

*Polidovych Yu.B.*

## **THE IMAGES OF THE FANTASTIC ANIMALS IN THE SCYTHIAN ART**

The article proposes classification of fantastic (polymorphic) animals which images are encountered in the art of the Scythian World. There are three groups of animals depending on presence in their iconography those features which are the characteristics of different zoological species, families, orders and classes. These groups combine more than 40 variants of fantastic animals which are represented both single images and large series of them widely-distributed in different regions of Scythian World – from the Northern part of Black Sea region to Tuva and Mongolian Steppe. The first level group of polymorphic creatures are included those of them who combined the features of animals from different zoological species and families. The exterior of the second level group of polymorphic creatures are combined the features of different zoological orders such as predators and ungulates. The third level group of polymorphic creatures mixed the features of animals from different zoological classes and they are more compound. The mostly common among them are the mix of birds and mammals (predators and herbivorous) features. The griffin is the best-known image among them. As for morphology the creatures with the mammals, birds, snakes and fishes characteristics as the representatives of three mythological universe zones are the most complex ones. Among them we can see the Scythian "dragon" which images are distinctive for the fourth century BC sites of the Northern part of Black Sea region. The variety of fantastic animals caused by both the influence of the Ancient East and Greek traditions and the Scythian mythological notions about the world around.

**Keywords:** the Scythian world, animal style, fantastic animal, polymorphic creature, griffin, sên-murv, dragon.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстана / К.А. Акишев. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Алексеев А.Ю.** Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана / А.Ю. Алексеев // Античная торетика. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. – С. 64-74.
- Алексеев А.Ю.** Скифское погребение V в. до н.э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 году) / А.Ю. Алексеев // АСГЭ. – 1995. – [Вып.] 32. – С. 53-59.
- Алексеев А.Ю.** Неизвестные грифоны скифского Александропольского кургана / А.Ю. Алексеев // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – М.: Собрание, 2011. – С. 71-89.
- Алексеев А.Ю.** Золото скифских царей в собрании Эрмитажа / А.Ю. Алексеев. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. – 2012. – 272 с.
- Алексеев А.Ю.** Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. / А.Ю. Алексеев В.Ю. Мурзин, Р. Ролле – К.: Наук. думка, 1991. – 414 с.
- Артамонов М.И.** Третий Разменный курган у ст. Костромской / М.И. Артамонов // СА. – 1948. – Т. X. – С. 161-182.
- Артамонов М.И.** Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / М.И. Артамонов. – Прага; Ленинград: Артия-Искусство, 1966. – 120 с., илл.
- Артамонов М.И.** Происхождение скифского искусства / М.И. Артамонов // СА. – 1968. – № 4. – С. 27-45.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото / М.И. Артамонов. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
- Ахметжан К.С.** Опыт реконструкции седла из кургана №11 могильника Берел / К.С. Ахметжан, Р.А. Ахметжанова // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Т. II. – Астана: Издательская группа ФИА, 2013. – С. 186-195.
- Бабенко Л.И.** Образы фантастичних істот у декорі одягу сіверськодонецького населення V – IV ст. до н.е. / Л.И. Бабенко // Музейні читання: Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки" (5-6 грудня 2005 р.). – К., 2006. – С. 76-81.
- Бабенко Л.И.** Об одном иконографическом варианте образа грифона в греко-скифской торежке / Л.И. Бабенко // Древности. – Харьков, 2012. – С. 105-116.
- Бабенко Л.И.** Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника / Л.И. Бабенко // РА. – 2015. – № 3. – С. 67-78.
- Баркова Л.Л.** Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая / Л.Л. Баркова // АСГЭ. – 1985. – [Вып.] 26. – С. 30-44.
- Баркова Л.Л.** Конская маска из Первого Пазырыкского кургана / Л.Л. Баркова // АСГЭ. – 1999. – [Вып.] 34. – С. 97-101.
- Баркова Л.Л.** Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) / Л.Л. Баркова // АСГЭ. – 1987. – [Вып.] 28. – С. 5-29.
- Баркова Л.Л.** Фантастические звери на татуировках алтайского вождя / Л.Л. Баркова // 250 историй про Эрмитаж: "Собрание пёстрых глав...": В 5 кн. – Книга третья. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – С. 98-101.
- Баркова Л.Л.** Изображение петуха в искусстве древнего Алтая / Л.Л. Баркова // АСГЭ. – 2015. – [Вып.] 40. – С. 143-156.
- Баркова Л.Л.** Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) / Л.Л. Баркова, С.В. Панкова // АЭАЕ. – 2005. № 2 (22). – С. 48-59.
- Безсонова С.С.** Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи / С.С. Безсонова // Археологія. – 1977. – Вип. 23. – С. 11-24.
- Белова О.В.** Славянский bestiary. Словарь названий и символики / О.В. Белова. – М.: Индрик, 1999. – 320 с.
- Бесетаев Б.Б.** Небесные кони Казахского Алтая: к семантике культа коня у древних и средневековых кочевников (по материалам могильника Берел) / Б.Б. Бесетаев // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Матер. докладов III Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск. 2012. – С. 120-123.

- Бессонова С.С.** Религиозные представления скифов / С.С. Бессонова. – К.: Наукова думка, 1983. – 183 с.
- Бессонова С.С.** Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон / С.С. Бессонова // ССПК. – Запоріжжя, 2004. – Т. XI. – С. 25-30.
- Бессонова С.С.** Налобная золотая пластина IV в. до н.э. из Поросья / С.С. Бессонова, М.П. Сиволап, Л.Г. Сиволап // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки". – К., 2014. – С. 63-85.
- Бессонова С.С.** Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму / С.С. Бессонова, С.А. Скорый // СА. – 1986. – № 4. – С. 158-170.
- Бидзиля В.И.** Скифский царский курган Гайманова Могила / В.И. Бидзиля, С.В. Полин. – К.: Скиф, 2012. – 752 с.
- Бисембаев А.А.** Памятники ранних кочевников в окрестностях пос. Жиренкопа Актюбинской области / А.А. Бисембаев, А.М. Мамедов, М.Н. Дуйсенгали // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции (Астана, 20-22 апреля 2011 г.). – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 213-219.
- Бобринский А.А.** Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии / А.А. Бобринский // ИАК. – 1905. – Вып. 14. – С. 1-43.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) / Е.С. Богданов. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Бокій Н.М.** Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини / Н.М. Бокій // Археологія. – 1970. – Т. XXIII. – С. 182-189.
- Болтрик Ю.В.** Дослідження скіфського "царського" кургану Ташенак / Ю.В. Болтрик, О.Є. Фіалко // АДУ 1990 р. / Препринт. – К., 1991. – С. 7-9.
- Болтрик Ю.В.** Бердянский курган / Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Н.Н. Чередниченко // РА. – № 3. – 1994. – С. 140-156.
- Бородовский А.П.** Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла / А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. – 220 с.
- Братченко С.Н.** Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца / С.Н. Братченко, М.Л. Швецов, О.Р. Дубовская // СА. – 1989. – № 1. – С. 170-177.
- Браун Ф.** Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. / Ф. Браун // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 81-116.
- Бунятян К.П.** Скифский курган с розмальованим саркофагом / К.П. Бунятян, О.Є. Фіалко // Археологія. – 2009. – № 3. – С. 55-71.
- Венедиков И.** Торевтика в Североизточна Тракия / И. Венедиков // Известия на народния музей в Варне. – 1968. – № 4 (19). – С. 3-16.
- Вертиенко А.В.** К семантике горита в представлениях ирано-язычных номадов Евразии / А.В. Вертиенко // Східний світ. – 2010. – № 4. – С. 91-102.
- Виноградов В.Б.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.) / В.Б. Виноградов. – Грозный, 1972. – 389 с.
- Виноградов Ю.А.** О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея / Ю.А. Виноградов, И.Ю. Шауб // Археологические вести. – СПб., 2005. – Вып. 12. – С. 219-223.
- Виноградська Я.О.** До інтерпретації зображень на бляшках скіфського архаїчного головного убору / Я.О. Виноградська // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. – К., 2000. – С. 17-23.
- Власова Е.В.** Предметы вооружения из кургана Куль-Оба / Е.В. Власова // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Матер. междунар. конф. – СПб., 2011. – С. 121-130.
- Влияния ахеменидской культуры** в Южном Приуралье (V-III вв. до н.э.) / Под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. – Т. 1. – М.: Таус, 2012. – 674 с.
- Вольная Г.Н.** Об истоках образа крылатого хищника в археологических и фольклорных источниках Кавказа / Г.Н. Вольная, Д.В. Сокаева // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Матер. конф. – Сухум, 2006. – С. 129-134.
- Воронов Ю.Н.** Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н.э. / Ю.Н. Воронов // Скифский мир. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 218-234.
- Галанина Л.К.** Келермесские курганы. "Царские" погребения раннескифской эпохи / Л.К. Галанина. – М.: Палеограф, 1997. – 316 с., табл.



- Галанина Л.К.** Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н.э. / Л.К. Галанина. – Л.: Искусство, 1980. 128 с.
- Галанина Л.К.** Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / Л.К. Галанина // САИ. – 1977. – Вып. Д1-33. – 68 с.
- Гамкрелидзе Т.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. – Т. II. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – С. 437-1330.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Гребенников Ю.С.** Курганы скифской знати в Поингулье / Ю.С. Гребенников // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 148-158.
- Грейвс Р.** Мифы Древней Греции / Пер. с англ. / Р. Грейвс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 1008 с. (Серия “Bibliotheca mythologica”).
- Грибкова А.А.** Типология аппликаций из курганов Днепровской лесостепи из коллекции Музея исторических драгоценностей Украины / А.А. Грибкова // Восточно-европейские древности. – Воронеж, 2011. – С. 64-75.
- Грибкова А.А.** Ювелирные украшения из кургана возле села Будки / А.А. Грибкова // ДАЗ. – 2012. – № 16. – С. 128-136.
- Грязнов М.П.** Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ из Пятого Пазырыкского кургана на Алтае / М.П. Грязнов // СГЭ. – 1956. – [Вып.] IX. – С. 40-42.
- Гуляев В.И.** Скифы. Расцвет и падение великого царства / В.И. Гуляев. – М.: Алетей, 2005. – 400 с.
- Дворниченко В.В.** Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов // ВДИ. – 1993. – № 3. – С. 141-179.
- Джумабекова Г.С.** Художественные бронзы Жетысу / Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева. – Алматы, 2013. – 120 с.
- Древнее золото Казахстана** / Сост. К. Акишев. – Алматы: Онер, 1983. – 264 с.
- Древности Геродотовой Скифии.** Сборник описания археологических раскопок и находок в Черноморских степях. – СПб, 1866. – Вып. I. – 44 с. + XXIII табл.
- Древности Геродотовой Скифии.** Сборник описания археологических раскопок и находок в Черноморских степях. – СПб, 1872. – Вып. II. – 118 с. + XL табл.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / М.А. Дэвлет // САИ. – Вып. Д4-7. – М.: Наука, 1980. – 66 с.
- Евдокимов Г.Л.** Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине / Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман // Скифы Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 85-115.
- Жумабекова Г.С.** Иссык / Г.С. Жумабекова, Ф.А. Базарбаева, А. Онгар. – Алматы, 2011. – 200 с., ил.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции / М.П. Завитухина. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.
- Завитухина М.П.** Золотая пластина из Забайкалья в Сибирской коллекции Петра I / М.П. Завитухина // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Матер. всеросс. науч. конф-ции, посвящённой 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 143-148.
- Запорожченко А.В.** Грифы и аримаспы в свете в свете античного мифа о Гераномахии / А.В. Запорожченко // Скифо-сибирский мир. Проблемы археологии скифо-сибирского мира: Тез. Всесоюз. конф-ции. – Ч. II. – Кемерово, 1987. – С. 62-66.
- Запорожченко А.В.** Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели / А.В. Запорожченко, Д.В. Черемисин // ВДИ. – 1997. – № 1. – С. 83-90.
- Засецкая И.П.** Изображения грифонов и "грифов" в сарматском зверином стиле / И.П. Засецкая // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. – К.: КНТ, 2012. – С. 353-384.
- Иванов В.В.** Дракон / В.В. Иванов // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. – Т. 1: А – К. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 394-395.
- Иерусалимская А.А.** Шелковые ткани с “сенмурвами” (новые находки и старые проблемы) / А.А. Иерусалимская // Эрмитажные чтения 1986-1994 годов памяти В.Г. Луконина (21.I.1932 – 10.IX.1984). – СПб., 1995. – С. 62-71.

- Ильинская В.А.** Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля / В.А. Ильинская // СА. – 1965. – № 1. – С. 86-107.
- Ильинская В.А.** Скифы Днепровского лесостепного Левобережья / В.А. Ильинская. – К.: Наукова думка, 1968. – 267 с.
- Ильинская В.А.** Скифия VII–IV вв. до н.э. / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. – К.: Наук. думка, 1983. – 380 с.
- Іллінська В.А.** Про скіфські навершки / В.А. Іллінська // Археологія. – 1963. – Вип. XV. – С. 33-60.
- Канторович А.Р.** Звериный стиль степной Скифии VIII–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. / А.Р. Канторович. – М., 1994. – 24 с.
- Канторович А.Р.** Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля / А.Р. Канторович // РА. – 1995. – № 4. – С. 45-55.
- Канторович А.Р.** Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница: стилистика и семантика / А.Р. Канторович // РА. – 1998. – № 4. – С. 78-88.
- Канторович А.Р.** Классификация и типология элементов “зооморфных превращений” в зверином стиле степной Скифии / А.Р. Канторович // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 1. – Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2002. – С. 77-130.
- Канторович А.Р.** Истоки и развитие образов бараноптицы и грифона в раннескифском зверином стиле: общее и особенное / А.Р. Канторович // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Тез. док. междунаrod. науч. конф-ции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. – М.: ГИМ, 2006.
- Канторович А.Р.** Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле / А.Р. Канторович // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой: Материалы и исследования по археологии России, том 8. М.: ИА РАН, 2007. – С. 235-257.
- Канторович А.Р.** Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. / А.Р. Канторович // Изобразительное искусство в археологическом наследии / АА. – Донецк, 2010. – Т. 21. – С. 189-224.
- Канторович А.Р.** К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. / А.Р. Канторович // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Труды ГИМ. – Т. 191. – М.: ГИМ, 2012а. – С. 196-244.
- Канторович А.Р.** Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле / А.Р. Канторович // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы междунаrod. науч. конф-ции, посвящен. 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – Т. 2. – СПб., 2012б. – С. 362-370.
- Канторович А.Р.** Бронзолитетное искусство VIII–III вв. до н.э. из курганов Адыгеи / А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих. – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2006. – 232 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев // МИА. – 1949. – № 9. – 364 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Кисель В.А.** Памятники ближневосточной торевтики из курганов Предкавказья и Северного Причерноморья VII – начала VI вв. до н.э. (К проблеме ближневосточных связей скифов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / В.А. Кисель. – СПб., 1998. – 19 с.
- Кисель В.А.** Священная секира скифов: об одной находке из Келермеса / В.А. Кисель. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – 110 с.
- Кисель В.А.** Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов / В.А. Кисель. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.
- Клейн Л.С.** Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов / Л.С. Клейн // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Нака, 1976. – С. 228-234.
- Клочко Л.С.** Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. / Л.С. Клочко // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 37-53.
- Клочко Л.С.** Скифский калаф IV в. до н.э. / Л.С. Клочко, Ю.С. Гребенников // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 86-96.
- Клочко Л.С.** Новые скифские навершия с нижнего Днепра // Л.С. Клочко, Н.П. Оленковский // СА. – 1990. – № 3. – С. 253-256.

- Ковалев А.А.** Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) / А.А. Ковалев // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга: Матер. Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб., 1998. – С. 122-131.
- Ковалев А.А.** О связях населения Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. / А.А. Ковалев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 75-82.
- Ковпаненко Г.Т.** Раскопки курганов у с. Ковалевка / Г.Т. Ковпаненко, Е.П. Бунятян, Н.А. Гаврилюк // Курганы на Нижнем Буге. – К.: Наук. думка, 1978. – С. 7-132.
- Колтухов С.Г.** Курган Пастака / С.Г. Колтухов, С.Н. Сенаторов // История оружия. Альманах. – К.: Видавець О. Філюк, 2014. – № 10/2014. – С. 75-102.
- Копейкина Л.В.** Золотые бляшки из кургана Куль-Оба / Л.В. Копейкина // Античная торевтика. – Л.: Гос. Эрмитаж. 1986. – С. 28-63.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности / Е.Ф. Королькова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 272 с.
- Королькова Е.Ф.** Конский “эгрет” со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I / Е.Ф. Королькова // СГЭ. – 2011а. – Вып. LXXIX. – С. 5-14.
- Королькова Е.Ф.** Образы невиданных зверей // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимой Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана АН МОН РК. – Алматы, 2011б. – С. 179-186.
- Королькова Е.Ф.** Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) / Е.Ф. Королькова // АСГЭ. – 2015. – Вып. 40. – С. 157-188.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Сэнмурв из Калбак-Таша / В.Д. Кубарев // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Северной Азии. – Новосибирск, 1992. – С. 94-97.
- Кубарев В.Д.** Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая / В.Д. Кубарев, Д.В. Черемисин // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984. – С. 86-99.
- Кубарев В.Д.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 282 с.
- Кубышев А.И.** Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине / А.И. Кубышев, А.В. Николова, С.В. Полин // Древности степной Скифии. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 130-148.
- Кузьмина Е.Е.** Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев / Е.Е. Кузьмина // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52-65.
- Кузьмина Е.Е.** Конь в религии и искусстве саков и скифов / Е.Е. Кузьмина // Скифы и сарматы. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 96-119.
- Курочкин Г.Н.** Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана / Г.Н. Курочкин // РА. – 1992. – № 2. – С. 114-115;
- Лелеков Л.А.** Симург / Л.А. Лелеков // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2: К – Я. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – С. 436-437.
- Лесков А.М.** Курганы: находки, проблемы / А.М. Лесков. – Л.: Наука, 1981. – 181 с.
- Либеров П.Д.** Памятники скифского времени на среднем Дону / П.Д. Либеров // САИ. – Вып. Д1-311. – М.: Наука, 1965. – 112 с.
- Ліфантій О.В.** Два типи довгих пластин головних уборів скіфів із зображеннями комах / О.В. Ліфантій // Магістеріум. – 2015. – Вип. 60: Археологічні студії. – С. 71-75.
- Лордкипанидзе О.Д.** Город-храм Колхиды (История археологических раскопок в Вани) / О.Д. Лордкипанидзе. – М.: Наука, 1978. – 79 с.
- Луконин В.Г.** Искусство древнего Ирана / В.Г. Луконин. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
- Малышев А.А.** О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска / А.А. Малышев, И.Г. Равич // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. – М., 2001. – С. 103-111.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. Публикация одной коллекции / А.П. Манцевич. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.

- Манцевич А.П.** Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа / А.П. Манцевич // АСГЭ. – 1973. – [Вып.] 15. – С. 12-46.
- Маразов И.** Ритоните в древна Тракия / И. Маразов. – София: Български художник, 1978. – 180 с.
- Маразов И.** Фиалата от Кул-Оба – образът на "другия" в изкуството на скитите / И. Маразов // МИФ-7: Αποθέσις. На acad. Дмитри Сергеевич Раевски. – София, 2001. – С. 360-423.
- Маршак Б.И.** Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике / Б.И. Маршак. – М.: Наука, 1971. – 191 с.
- Масленицына Е.С.** Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV вв. до н.э. / Е.С. Масленицына // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. – М., 1993. – С. 57-68.
- Махортых С.В.** Новые данные о скифо-кавказских контактах / С.В. Махортых // Скифы Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 53-62.
- Мацына А.И.** Грифон. К содержанию образа / А.И. Мацына // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. – 1999. – № 1. – С. 15-34.
- Мачинский Д.А.** О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре / Д.А. Мачинский // Проблемы археологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – Вып. II. – С. 232-240.
- Мелюкова А.И.** К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства / А.И. Мелюкова // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 106-127.
- Мелюкова А.И.** Краснокутский курган / А.И. Мелюкова. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
- Мелюкова А.И.** Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961-1962 гг.) / А.И. Мелюкова // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 60-97.
- Миклашевич Е.А.** "Племя единорога" на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) / Е.А. Миклашевич // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб, 2004. – С. 320-325.
- Мирошина Т.В.** Некоторые типы скифских женских головных уборов IV – III вв. до н.э. / Т.В. Мирошина // СА. – 1981. – № 4. – С. 46-69.
- Могилов О.Д.** Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи / О.Д. Могилов. – К.-Кам'янець-Подільський, 2008. – 439 с.
- Могилов О.Д.** Про один із різновидів ранньоскіфських зооморфних / О.Д. Могилов, А.Ф. Гуцал // Археологія. – 2008. – № 4. – С. 44-48.
- Мозолевский Б.Н.** Скифский "царский" курган Желтокаменка / Б.Н. Мозолевский // Древности степной Скифии. – К.: наукова думка, 1982. – С. 179-121.
- Мозолевский Б.Н.** Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы) / Б.Н. Мозолевский, С.В. Полин. – К.: Стилос, 2005. – 599 с.
- Мозолевський Б.М.** Товста Могила / Б.М. Мозолевський. – К.: Наук. думка, 1979. – 252 с.
- Монахов С.Ю.** Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары / С.Ю. Монахов. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1999. – 679 с.
- Мурзін В.Ю.** Скіфський курган "Тетянина Могила" / В.Ю. Мурзін, С.В. Полін, Р. Ролле // Археологія. – 1993. – № 2. – С. 85-101.
- ОАК за 1909 и 1910** годы. – СПб., 1913. – 293 с.
- ОАК за 1913-1915** годы. – Пг., 1918. – 298 с.
- Ожегов С.И.** Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.
- Онайко Н.А.** Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. / Н.А. Онайко // САИ. – 1970. – Вып. Д1-27. – 134 с.
- Онайко Н.А.** Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике / Н.А. Онайко // Художественная культура и археология античного мира. – М.: Наука, 1976. – С. 166-179.
- Онайко Н.А.** Аполлон Гиперборейский / Н.А. Онайко // История и культура античного мира. – М.: Наука, 1977. – С. 153-160.
- Островерхов А.С.** О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея / А.С. Островерхов, С.Б. Охотников // ВДИ. – 1989. – № 2. – С. 50-67.
- Отрощенко В.В.** Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка / В.В. Отрощенко // Вооружение скифов и сарматов. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 21-125.

- Переводчикова Е.В.** Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля / Е.В. Переводчикова // Проблемы истории античности и средних веков. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 138-155.
- Переводчикова Е.В.** Типология и эволюция скифских наверший / Е.В. Переводчикова // СА. – 1980. – № 2. – С. 23-44.
- Переводчикова Е.В.** Характеристика предметов скифского звериного стиля / Е.В. Переводчикова // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар, 1984. – С. 5-15.
- Переводчикова Е.В.** Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле / Е.В. Переводчикова // КСИА. – 1986. – Вып. 186. – С. 8-14.
- Переводчикова Е.В.** Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья / Е.В. Переводчикова // СА. – 1987. – № 4. – С. 44-58.
- Переводчикова Е.В.** Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи / Е.В. Переводчикова. – М.: Восточная лит-ра, 1994. – 208 с.
- Переводчикова Е.В.** Верблюд в классификационной системе скифского звериного стиля / Е.В. Переводчикова // ССПК. – Т. XV. – Запори́жжя, 2009. – С. 129-131.
- Переводчикова Е.В.** Произведения скифского звериного стиля из 1-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала / Е.В. Переводчикова, А.Д. Таиров // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2010. – Вып. 11. – С. 198-211.
- Переводчикова Е.В.** О конструктивных особенностях зооморфных конских наносников (налобников) из скифского кургана Козел / Е.В. Переводчикова, К.Б. Фирсов // Античная цивилизация и варварский мир. Матер. 8-го археол. семинара. – Краснодар, 2002. – С. 47-56.
- Петренко В.Г.** Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / В.Г. Петренко // САИ. – 1967. – Вып. Д1-4. – 179 с.
- Пиотровский Б.Б.** История и культура Урарту / Б.Б. Пиотровский. – Ереван, 1944. – 364 с.
- Пиотровский Б.Б.** Скифы и древний Восток / Б.Б. Пиотровский // СА. – 1954. – Вып. XIX. – С. 46-69.
- Пиотровский Б.Б.** Ванское царство (Урарту) / Б.Б. Пиотровский. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959. – 284 с.
- Плетнева Л.М.** Предметы скифо-сибирский звериного стиля из Томского Приобья / Л.М. Плетнева. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. – 189 с.
- Погребова М.Н.** Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. – М.: Наука, 1992. – 261 с.
- Погребова Н.Н.** Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики / Н.Н. Погребова // КСИИМК. – Вып. XXII. – М.; Л., 1948. – С. 62-67.
- Полидович Ю.Б.** Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников) / Ю.Б. Полидович // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 1. – Донецк, 2002. – С. 189-206.
- Полидович Ю.Б.** Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного / Ю.Б. Полидович // ССПК. – Т. XI. – Запори́жжя, 2004. – С. 206-210.
- Полидович Ю.Б.** “Скифские” олени в Нижнем Поволжье / Ю.Б. Полидович // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 2013а. – Вып. 10. – С. 262-270.
- Полидович Ю.Б.** Мельгуновский тип изображения птиц в скифском искусстве (к вопросу о начальном этапе формирования “звериного стиля”) / Ю.Б. Полидович // Иранский мир II – I тыс. до н.э. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. VI. М.: Институт Востоковедения РАН, 2013б. – С. 89-100.
- Полидович Ю.Б.** Изображения горного козла в сакском искусстве архаичного периода / Ю.Б. Полидович // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. – Караганды, 2015. – С. 215-232.
- Полидович Ю.Б.** Зображення хижих птахів з Литого (Мельгуновського) кургану / Ю.Б. Полідович // Наукові записки. Серія: Історичні науки. – Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченка, 2014. – С. 61-72.
- Полосьмак Н.В.** Исследование пазырыкского кургана Кутургунтас / Н.В. Полосьмак // ВДИ. – 1992. – № 4. – С. 50-63.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы” (ак-алахинские курганы) / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Придик Е.М.** Мельгуновский клад 1763 г. / Е.М. Придик // МАР. – 1911. – № 31. – С. 1-28.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. 4-е изд. / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
- Пугаченкова Г.А.** Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии / Г.А. Пугаченкова // СА. – 1959. – № 2. – С. 70-84.
- Пузикова А.И.** Новые курганы скифского времени в Белгородской области / А.И. Пузикова // КСИА. – 1966. – Вып. 107. – С. 80-91.
- Пшеничнюк А.Х.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале / А.Х. Пшеничнюк. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.
- Пьянков И.В.** Бактрийский гриф в античной литературе / И.В. Пьянков // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.: Наука, 1976. – С. 19-24.
- Раевский Д.С.** Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. / Д.С. Раевский. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Раевский Д.С.** Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии / Д.С. Раевский. – М.: Наука, 1977. – 216 с.
- Раевский Д.С.** Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства / Д.С. Раевский // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады. – М., 1971. – С. 272-273.
- Раевский Д.С.** Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля / Д.С. Раевский, С.В. Кулланда, М.Н. Погребова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 274 с.
- Рак И.В.** Мифы древнего и средневекового Ирана (зороастризм) / И.В. Рак. – СПб.-М.: “Журнал Нева” – “Летний Сад”, 1998. – 560 с.
- Ростовцев М.И.** Эллинизм и иранство на юге России / М.И. Ростовцев. – Петроград.: Огни, 1918. – 189 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 510 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Руденко С.И.** Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.) / С.И. Руденко. – М.: Изд-во вост. лит.-ры, 1961. – 66 с.
- Руденко С.И.** Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко // САИ. – 1962. – Вып. ДЗ-9. – 51 с., табл.
- Руденко С.И.** Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая / С.И. Руденко. – М.: Искусство, 1968. – 136 с.
- Рукавишникова И.В.** Об одном изображении на перекрестии меча из могильника Филипповка I / И.В. Рукавишникова // Материалы II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. Т. 4. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 52-55.
- Рукавишникова И.В.** Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I / И.В. Рукавишникова, Л.Т. Яблонский // Проблемы современной археологии (Сб. памяти Владимира Александровича Башилова). – М.: ИА РАН; ТАУС, 2008. – С. 199-238.
- Рябкова Т.В.** Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики / Т.В. Рябкова // АСГЭ. – 2005. – [Вып.] 37. – С. 42-65.
- Рябкова Т.В.** Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа / Т.В. Рябкова // Археологические вести. – 2014. – Вып. 20. – С. 205-216.
- Савинов Д.Г.** Изображения собак на оленных камнях (Некоторые вопросы семантики) / Д.Г. Савинов // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980а. – С. 319-328.
- Савинов Д.Г.** Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) / Д.Г. Савинов // Проблемы археологии. – СПб., 1998б. – Вып. 4. – С. 154-165.
- Савченко Е.И.** Украшения населения скифского времени на Среднем Дону / Е.И. Савченко // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М., 2005. – С. 451-489.
- Самашев З.** Берел / З. Самашев. – Алматы: Издательский дом “Таймас”, 2011. – 236 с.
- Самашев З.** Древности Алматы / З. Самашев, Ф. Григорьев, Г. Жумабекова. – Алматы, 2005. – 184 с.

- Самашев З.** Конское снаряжение древних скотоводов Алтая: опыт реконструкции (по материалам кургана № 10 могильника Берел) / З. Самашев, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева // АА. – Донецк, 2010. – Вып. 21. – С. 251-286.
- Самашев З.С.** Исследования на могильнике Берель в 2010 году / [З.С. Самашев, А. Онгар, А.Е. Чотбаев, Г.К. Киясбек, К. Альжанов] // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20-22 апреля 2011 г. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. – С. 344-347.
- Силантьева Л.Ф.** Некрополь Нимфея / Л.Ф. Силантьева // Некрополи Боспорских городов (МИА. № 69). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5-107.
- Скорый С.А.** Курган Переп'ятиха. До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя / С.А. Скорый. – К.: Наукова думка, 1990. – 124 с.
- Скорый С.А.** Стеблев: скифский могильник в Поросье / С.А. Скорый. – К., 1997. – 173 с.
- Скорый С.А.** Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции / С.А. Скорый, Р.В. Зимовец. – К.: Видавець Олег Філюк, 2014. – 180 с.
- Скржинская М.В.** Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья / М.В. Скржинская. – К.: Институт истории Украины НАН Украины, 2010. – 324 с.
- Скржинская М.В.** Фантастические обитатели морских глубин в мифологии жителей Боспорского царства / М.В. Скржинская // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – СПб., 2010а. – Ч. II. – С. 305-313.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Савромато-сарматский звериный стиль / К.Ф. Смирнов // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74-89.
- Советова О.С.** Кони-звери / О.С. Советова // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул, 2013. – С. 276-279.
- Сорокин С.С.** Большой Берельский курган. Полное издание материалов раскопок 1895 и 1959 гг. / С.С. Сорокин // Труды ГЭ. – 1969. – Т. X: Культура и искусство народов Востока. 7. – С. 208-236.
- Сосновский Г.П.** Дзрестуйский могильник / Г. П. Сосновский // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.; Л.: ГАИМК, 1935. – № 1-2. – С. 168-176.
- Таронян Г.А.** Аннотированный указатель / Г.А. Таронян // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). – М.: Ладомир, 2007. – С. 320-638.
- Тасмагамбетов И.** Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников / И. Тасмагамбетов. – Алматы: ОФ “Берел”, 2003. – 336 с.
- Тереножкин А.И.** Мелитопольский курган / А.И. Тереножкин, Б.Н. Мозолевский. – К.: Наукова думка, 1988. – 264 с.
- Толстой И.** Русские древности в памятниках искусства / И. Толстой, Н. Кондаков. – Вып.1: Классические древности Южной России. – СПб., 1889а. – 118 с.
- Толстой И.** Русские древности в памятниках искусства / И. Толстой, Н. Кондаков. – Вып.2: Древности скифо-сарматские. – СПб., 1889б. – 162 с.
- Тревер К.В.** Сэнмурв-Паскудж, собака-птица / К.В. Тревер. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1937. – 74 с.
- Тревер К.В.** Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III – VIII веков / К.В. Тревер, В.Г. Луконин. – М.: Искусство, 1987. – 240 с.
- Трейстер М.Ю.** Ремонт, “усовершенствование” инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) / М.Ю. Трейстер // Археологические вести. – 2011. – Вып. 16. – С. 72-94.
- Трейстер М.Ю.** Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Прохоровка / М.Ю. Трейстер, М.С. Шемаханская, Л.Т. Яблонский // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н.э.). Т. 2. – М.: Таус, 2012. – С. 65-76.
- Усачук А.Н.** Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы / А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т. 3. – Донецк, 2006. – С. 249-268.
- Федоров В.К.** Изображение “копытного хищника” на костяной ложечке из могильника Сара в восточном Оренбуржье / В.К. Федоров // АЭАЕ. – 2014. – 3(59). – С. 55-65.

**Фіалко О.Є.** Золоті аплікації з Бердянського кургану / О.Є. Фіалко // Вісник Київського університету “Слов’янський університет”. – 2001. – Вип. 11. – С. 292-301.

**Фрагменты ранних греческих философов.** Ч. I: От эпический теокосмогоний до возникновение атомистики. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

**Фролов Я.В.** Изображение головы фантастического хищника из кургана 1 могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии / Я.В. Фролов, О.И. Чекрыжова // Михайловский район: очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С.51-66.

**Ханенко Б.Н.** Древности Приднепровья / Б.Н. Ханенко, В.И. Ханенко. – Вып. II. – Ч. 1: Эпоха предшествующая Великому переселению народов. – К., 1899. – 85 с.

**Ханенко Б.Н.** Древности Поднепровья / Б.Н. Ханенко, В.И. Ханенко. – Вып. III. – Ч. 2: Эпоха предшествующая Великому переселению народов. – К., 1900. – 62 с.

**Чежина Е.Ф.** Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху / Е.Ф. Чежина // АСГЭ. – 1984. – [Вып.] 25. – С. 61-64.

**Чежина Е.Ф.** Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Е.Ф. Чежина // СГЭ. – 1987. – Вып. 52. – С. 25-28.

**Чежина Е.Ф.** Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья / Е.Ф. Чежина // СА. – 1989. – № 1. – С. 261-264.

**Чекрыжова О.И.** Полиморфные образы в древнем искусстве Алтая: Эпоха раннего железа / Диссертация ... канд. ист. наук / О.И. Чекрыжова. – Барнаул, 2004. – 199 с.

**Чекрыжова О.И.** Образ Симурга – собаки-птицы (иконография и семантика) / О.И. Чекрыжова // Кулундинский район: страницы истории и современность. – Т. 1. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 32-36.

**Чередниченко Н.Н.** Погребение жрицы из Бердянского кургана / Н.Н. Чередниченко, Е.Е. Фіалко // СА. – 1988. – № 4. – С. 149-166.

**Черемисин Д.В.** Искусство звериного стиля в погребальных комплексах трипольского населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда / Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008а. – 136 с.

**Черемисин Д.В.** К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве / Д.В. Черемисин // Тропой тысячелетий. К юбилею М.А. Дзвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008б. – С. 99-105.

**Черненко Е.В.** Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) / Е.В. Черненко // Скифия и Кавказ. – К.: Наукова думка, 1980. – С. 7-30.

**Черненко Е.В.** Парадный топор из Келермеса / Е.В. Черненко // Скифы Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1987. – С. 19-30.

**Черников С.С.** Загадка Золотого кургана / С.С. Черников. – М.: Наука, 1965. – 189 с.

**Чеснов Я.В.** Дракон: метафора внешнего мира / Я.В. Чеснов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – М.: Наука, 1986. – С. 59-72.

**Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры / Н.Л. Членова. – М.: Наука, 1967. – 299 с.

**Чунакова О.М.** Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов / О.М. Чунакова. – М.: Вост. лит.-ра, 2004. – 286 с.

**Шапошникова О.Г.** Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1984 год. Часть II. Работы Явкинского отряда / [О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, В.Н. Клюшинцев, В.Ф. Елисеев] // Научный архив ИА НАН Украины. – Ф.е. 1984/9.

**Шауб И.Ю.** Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.) / И.Ю. Шауб. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 484 с.

**Шауб И.Ю.** О семантике изображения Скилы на зеркале из Артюховского кургана / И.Ю. Шауб // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. Мат.-лы междунар. конф-ции. – СПб., 2009. – С. 276-280.

**Шауб И.Ю.** Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов / И.Ю. Шауб // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. Мат.-лы междунар. конф-ции. – СПб., 2011. – С. 131-137.

**Шевченко А.А.** Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино-I на Среднем Дону / А.А. Шевченко // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004-2008. – М., 2009. – С. 26-111.



- Шедевры древнего искусства Кубани.** Каталог выставки / Под ред. А.М. Лескова, В.Л. Лапушняна. – М., 1987. – 188 с.
- Шелов Д.Б.** К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье (сатир и грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н.э.) / Д.Б. Шелов // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXIV. – С. 62-69.
- Шелов Д.Б.** Монетное дело Боспора. VI–II вв. до н.э. / Д.Б. Шеллов. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 232 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Жалтырак-Таша / [Я.А. Шер, Е.А. Миклашевич, З.С. Самашев, О.С. Советова] // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: КемГУ, 1987. – С. 70-78.
- Шергина Н.** Изображение крылатого вепря на древнегреческих монетах / Н. Шергина // Нумизматический Альманах. – 2010. – № 1. – С. 8-16.
- Шилов В.П.** Золотой клад скифского кургана / В.П. Шилов // Археологические раскопки на Дону. – Ростов-н/Д, 1962.
- Шкурко А.И.** О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии / А.И. Шкурко // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 90-105.
- Шкурко А.И.** Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии / А.И. Шкурко // Археологические исследования на юге Восточной Европы (Труды ГИМ. Вып. 54). – М., 1982. – С. 3-8.
- Шульга П.И.** Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) / П.И. Шульга // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 250-258.
- Шульга П.И.** Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) / П.И. Шульга // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – №3 (15). – С. 62-71.
- Шульга П.И.** Новотроицкий некрополь / П.И. Шульга, А.П. Уманский, В.А. Могильников. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.
- Шульц П.Н.** Исследования Неаполя скифского (1945-1950 гг.) / П.Н. Шульц // История и археология древнего Крыма. – К., 1957.
- Щепинский А.А.** Там, где пройдет Северо-Крымский... / А.А. Щепинский, Е.Н. Черепанова. – Симферополь: Крым, 1966. – 95 с.
- Эрлих В.Р.** Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее / В.Р. Эрлих, А.А. Нехаев // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный; М.: ИА РАН, Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР, 2011. – С. 131-152.
- Эсхил** Трагедии / Пер. с др.-греч. / Эсхил. – М.: Худ. лит., 1971. – 383 с.
- Эсхил** Трагедии / Пер. с др.-греч. / Эсхил. – М.: Наука, 1989. – 589 с.
- Яблонский Л.Т.** Новые находки в “царском” кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) / Л.Т. Яблонский // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 3-7, рис. I-III.
- Яблонский Л.Т.** “Золотой” меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка I / Л.Т. Яблонский, И.В. Рукавишникова, М.С. Шемаханская // ВДИ. – 2011. – № 4. – С. 219-250.
- Яйленко В.П.** Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко. – М.: Наука, 1990. – 271 с.
- Яковенко Э.В.** Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма / Э.В. Яковенко // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 128-137.
- Aeschylus** Prometheus bound / Edited with an Introduction, Translation and Commentary by A.J. Podlecki / Aeschylus. – Oxford, 2005. – 222 p.
- Azarpay G.** Some Classical and Near Eastern motifs in the Art of Pazyryk / G. Azarpay // Artibus Asiae. – 1959. – Vol. 22, No 4. – P. 323-336.
- Bolton J.D.P.** Aristaeus of Proconnesus / J.D.P. Bolton. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 268 p.
- Borovka G.** Scythian Art / G. Borovka. – London, 1928. – 268 p.
- Bunker E.C.** Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. / E.C. Bunker // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – 1992. – Vol. 6. – P. 99-115.
- Bunker E.C.** Nomadic Art from the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other New York Collections (Metropolitan Museum of Art Series) / E.C. Bunker, J.C.Y. Watt, Zh. Sun. – Yale: University Press, 2002. – 233 p.
- Chochorowski J.** Rings with Panticapaeum Staters from the Great Ryzhanovka Barrow / J. Chochorowski // Zapiski numizmatyczne. – Kraków, 1999. – 3/4. – S. 31-41.

- Compareti M.** The So-Called *Senmurv* in Iranian Art: A Reconsideration of an Old Theory / M. Compareti // *Loquentes linguis. Studi linguistici e orientali in onore di Fabrizio A. Pennacchietti* (Linguistic and Oriental Studies in Honour of Fabrizio A. Pennacchietti). – Wiesbaden, 2006. – P. 185-200.
- Filow B.** Ein "skythisches" Bronzerelief aus Bulgarien / B. Filow // *ESA*. – 1934. – Vol. IX. – S. 197-205.
- Gold der Steppe.** Sensationsfunde aus Fürstengräbern der Skythen und Sarmaten. Katalog. – Wien, 2009. – 318 S.
- Helwing B.** Der Fund von Ziwieh / B. Helwing // *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. – Berlin, 2007. – S. 227-235.
- Kantor H.J.** A fragment of a gold applique from Ziwiye and some remarks on the artistic traditions of Armenia and Iran during the Early First Millennium B.C. / H.J. Kantor // *Journal of Near Eastern Studies*. – 1960. – Vol. 19. – No. 1. – P. 1-14.
- Kemenczei T.** Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe / T. Kemenczei. – Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2009. – 410 p.
- Leskov A.M.** The Maykop treasure / A.M. Leskov. – Philadelphia, 2008. – 304 p.
- Marshak B.I.** Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana / B.I. Marshak. – New York: Bibliotheca Persica Press, 2002. – 187 p.
- Piotrovsky B.** Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid-7<sup>th</sup> to 3<sup>rd</sup> century B.C. / B. Piotrovsky, L. Galanina, N. Grach. – Leningrad: Aurora, 1986. – 183 p.
- Polin S.** A new type of gold application with the image of a dragon from the Aleksandropol'sky royal Scythian kurgan / S. Polin, M. Daragan // *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)*. – Rahden, 2011. – Band 2: Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. – P. 273-278.
- Rostovtzeff M.** Iranian and Greeks in the South Russia / M. Rostovtzeff. – Oxford, 1922. – 260 p.
- Schmidt H.-P.** The *Sēnmurv* of Birds and Dogs and Bats / H.-P. Schmidt // *Persica*. – 1980. – Vol. IX. – P. 1-85.
- Topal D.** Akinakai de tip Soloha în contextul unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos / D. Topal, S. Țerna, S. Popovici // *Peuce. Serie nouă*. – Tulcea, 2014. – XII. – P. 9-68.
- Treister M.Yu.** New discoveries of Sarmatian complexes of the 1<sup>st</sup> century A.D. a survey of publications in VDI / M.Yu. Treister // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. – 1997. – Vol. 4, Issue 1. – P. 35-100.
- Van Loon M.N.** Urartian Art: Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations / M.N. Van Loon. – Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 1966. – 190 p. + 43 pl.
- Vickers M.** Scythian and Thracian Antiquities in Oxford / M. Vickers. – Oxford: Ashmolean museum, 2002. – 80 p.
- Williams D.** Greek Gold: Jewelry of the Classical World / D. Williams, J. Ogden. – London: Published by the British Museum Press, 1994. – 256 p.